
Билет
на непридуманную
пьесу
Светлана Ильина

Светлана Ильина

Билет на непридуманную пьесу

«Автор»
2022

Ильина С. В.

Билет на непридуманную пьесу / С. В. Ильина — «Автор», 2022

Молодая солистка Михайловского театра мечтает о карьере певицы. Но неожиданно герои спектаклей врываются в её личную жизнь, заставляя Ксению то бегать от влюблённого Мизгиря, то плакать как Татьяна, то сходить с ума как Царская невеста. Однако жизнь - это не опера, и чтобы стать счастливой, нужно сделать выбор в настоящей жизни.

© Ильина С. В., 2022
© Автор, 2022

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 10
Глава третья 17
Глава четвёртая 22
Глава пятая 29
Глава шестая 34
Глава седьмая 39
Глава восьмая 44
Глава девятая 48
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Светлана Ильина
Билет на непридуманную пьесу

Глава первая

Неприятное, мучительное чувство щемило её сердце с самого начала разговора, Ксения ждала этой фразы и дождалась:

– Я всегда чувствовала, что Гриша сделал большую ошибку, женившись на тебе! Тебе не нужна семья, тебя интересует только карьера певички! – крикнула Маргарита Львовна.

Ксюша вздрогнула. Крупное лицо свекрови налилось краской, её нарумяненные щёки стали пунцовыми под стать накрашенным мясистым губам, и сразу стало страшно, как бы её ни хватил удар прямо здесь, за столом. Гриша наконец прервал равнодушное молчание.

– Мама, ты преувеличиваешь значимость решения Ксении, – примирительно и чуть испуганно заговорил он, переводя на мамочку голубые глаза, – пусть она устраивается в театр, я не понимаю, чего ты так разволновалась. Смотри, давление подскочит.

– Я разволновалась, потому что мне известно, чем занимаются артисты в театрах, и как там делают карьеру, тоже знаю. И не для того я подняла все свои связи и перевела тебя в Петербург из военного городка на краю земли, чтобы здесь твоя семья распалась. – Голос её вдруг стал плаксивым, – Гришенька, я хочу, чтобы ты был счастлив, ты достоин лучшей жены.

Но счастья от вмешательства этой крикливой, назойливой женщины в их семье не прибавлялось, наоборот, оно таяло с каждым её приходом. Ксении уже казалось, что с тех пор, как она вернулась в Петербург, жители родного города – и знакомый дворник, и продавец старого магазинчика, который помнил её ещё маленькой, и кондукторы, с которыми она часто встречалась, разъезжая на одном и том же трамвае, – были для неё более родными, чем муж и свекровь, которые ждали её в квартире.

Все трое уже чувствовали мучительность подобных отношений, но Маргарита Львовна не могла остановиться, Ксюша устала сопротивляться, а Гриша… Иногда Ксении казалось, что ему даже нравится, что две любимые женщины пекутся о его счастье, и поэтому он решил, что не нужно их останавливать.

– А моё счастье вас не интересует? – уже разозлившись, резко спросила Ксения.

– Да что тебе ещё надо для счастья? Муж есть, живёшь в Петербурге… Да ещё свекровь с такими связями – находка для вашей семьи. Другая невестка в ножки бы поклонилась, если бы её мужа раньше времени перевели сюда. Это ли не счастье? Детей надо заводить, а ты только о театре и думаешь… А о детях ты не мечтаешь? Гриша, она даже фамилию твою не взяла, разве это нормально?

Маргарита Львовна картинно всплеснула пухлыми руками, унизанными перстнями, и уставилась на неё злыми глазами. А Ксюша отвернулась к окну и всё силилась вспомнить, где она уже слышала эту фразу про связи?

Гриша со вздохом вышел из-за стола и пересел в кресло.

Было видно, что ему не хочется спорить с матерью, а потому Ксении ждать от него поддержки не стоило.

"Вспомнила, – осенило Ксюшу, – это же мачеха из "Золушки" так выражалась."

Ксения посмотрела на свекровь новым взглядом: "А ведь, действительно, есть что-то общее между Маргаритой Львовной и Раневской. Только жаль, что у меня нет рядом ни отца, ни доброго короля, ни прекрасного принца."

Она отвернулась к окну и задумалась.

Скучное, однообразное, унылое состояние, которое мучило Ксению в первые годы жизни с мужем в военном городке, вдруг всплыло в сознании, словно привидение, наводящее страх своим присутствием. Нет, нет! Её душа взбунтовалась против подобного существования. Тогда от одиночества и тоски её спасла учёба и работа в детском театре, которые придавали смысл её жизни. Да, она любила мужа – Гриша был и добрым, и порядочным человеком. Отец Ксении, сам бывший военный, был от него в восторге. Но Ксюша уже через полгода стала ощущать нехватку эмоций, ласки и внимания, то есть всего того, что, по её представлению, называется любовью. Ей не хватало общения. Этого не понимала ни свекровь, ни, к сожалению, сам Гриша. Но что было ужаснее всего, даже если бы он это осознал, то вряд ли смог бы что-нибудь изменить.

Уже через год их совместной жизни Ксения заметила – у них почти нет общих интересов: книги они читали разные, про свою жизнь Гриша не рассказывал, а её не интересовался. И когда они наконец выбрались в ресторан, чтобы отметить годовщину свадьбы, Ксюша с горечью поняла, что им не о чем разговаривать.

– Ты так и будешь молчать и смотреть в окно? Может, перестанешь вертеть мобильник и что-нибудь ответишь? – с нажимом спросила свекровь, отодвигая от себя пустую чашку.

Ксения пожала плечами и по привычке потёрла мочку уха. Когда она была маленькой, бабушка Маша говорила, что так кровь быстрее приливает к мозгу, а задействовать мозг полезно в любой ситуации, и тем более – в затруднительной.

– А что говорить? Маргарита Львовна, я всё решила и поступлю так, как считаю нужным.

– Нет, ну ты посмотри на неё, – растерянно обратилась к сыну свекровь.

Если бы она заговорила ласковым и просящим тоном, Ксюшина уверенность в правильности решения, может быть, и поколебалась бы. Но резкий и безапелляционный тон вызывал в ней глухое сопротивление, и она твёрдо решила не уступать.

– Извините, мне надо идти, – стараясь не глядеть на свекровь, Ксюша поднялась из-за стола и вышла в коридор, тихонько прикрыв за собой дверь на кухню. Последнее, что она услышала было:

– Только и хорошего от твоей женитьбы – двухкомнатная квартира в центре, что досталась этой пигалице по наследству от бабки…

Да, конечно, свекровь радуется квартире, а то, что Ксения как декабристка, уехала с её сыном в Улан-Удэ – это не считается. Гриша с головой ушёл в проблемы молодого офицера космических войск, а ей хотелось жить совсем другой – яркой, эмоциональной жизнью. Хорошо, что поступила в Восточно-Сибирский институт на вокальный факультет, хоть не потеряла время зря…

А бабушке за квартиру отдельное спасибо. Ксения помнила бабулю очень хорошо – всегда подтянутая, немного строгая и скупая на ласки. Но под внешней сдержанностью пряталась душевная чуткость, от которой не могло утаиться настроение внучки. Бабушка Маша сначала ничего не говорила про мужа, но когда Ксения всё-таки попросила сказать своё мнение, скупо обронила:

– Разные вы очень. Ты потянешь в одну сторону, он в другую.

Тогда Ксюша не поверила, а сейчас видела, бабушка опять оказалась права. И почему так бывает – кажется, что взрослые ничего не понимают в современной жизни, и можно их не слушать, а потом… как говорится – чем становишься старше, тем умнее кажутся родители.

И всё-таки в глубине души Ксюша была благодарна всемогущей свекрови, которая добилась перевода любимого сыночка в Петербург. Теперь можно попробовать устроиться солисткой в Михайловский театр, который казался островком счастья. Там бьёт ключом яркая творческая жизнь, которая так контрастировала с блекло-серыми буднями. Театр был её мечтой, её смыслом жизни. Именно туда Ксения сейчас и направлялась.

Михайловский театр бурлил, как перед премьерой. Только артисты в тёмном коридоре выглядели растерянно и нервно дёргались на каждый звук из большого зала, где сидела, как шёпотом передавали друг другу, "сама Образцова".

Молодая девушка-администратор записала всех желающих прослушаться: имя, фамилия, возраст, образование… Ксения постаралась продиктовать свои данные уверенным голосом, хотя понимала, что внутреннее спокойствие понадобится на сцене, а не здесь.

Дверь в зал приоткрылась, Ксения прошмыгнула в темноту и спряталась за тяжёлой портьерой у входа. Каково же было её удивление, когда она увидела, что там уже стоит одна слушательница.

– Ксюха?! Ты откуда здесь? – услышала она знакомый голос.

Ксения вгляделась в темноту.

– Юлька! Привет, я на прослушивание пришла…

– Да это понятно… Я спрашиваю, ты разве не уехала из Питера? После второго курса как в воду канула.

– Уехала, – зашептала Ксения, – замуж вышла за военного и уехала в Улан-Удэ.

– Перевелась туда в институт?

– Не перевелась, а заново поступила на вокальный. Закончила и даже чуть-чуть в детском театре успела попеть. А ты тоже на прослушивание?

Юля кивнула.

– Да, артисткой хора. Я уже второй раз прихожу. В прошлый раз не получилось, зато сегодня Образцова меня хвалила, – горделиво прошептала она. – А ты, получается, в солистки метишь?

– Конечно, я же закончила институт по классу вокала.

– Я тоже училась, но пока не получается выбиться в солистки. Да я и не очень стремлюсь – говорят, что новеньким трудно попасть в спектакль, старенькие никуда не уходят. Будешь без денег сидеть. А мне так нельзя, ты же знаешь, я не из Питера. Квартиру снимаю и на маленькой зарплате не проживу.

– Понимаю, но с собой ничего поделать не могу – хочу быть артисткой, – улыбнулась Ксюша. Ей сейчас было трудно говорить на житейские темы, сердце тревожно билось из-за предстоящего выступления.

Они стали смотреть на сцену, куда поднялся немолодой человек в странной клетчатой рубашке, тоже желающий быть солистом. Он зычно запел романс.

В глубине зала сидела Елена Васильевна Образцова с мрачным выражением лица. С первых же звуков Ксении захотелось зажать уши – ужасный качающийся мужской голос напоминал пение пьяного портового грузчика. Как ему не стыдно так петь?

– Достаточно, достаточно, хватит! – закричала Образцова и замахала руками. – Следующий…

Следующим был полный горе-певец в чёрном костюме и с бабочкой на шее. Он решил не просто спеть, а ещё и станцевать. Со словами "Мальчик резвый, кудрявый, влюблённый" он метался по сцене, словно находился в оперетке. Юля и Ксюша давились от смеха…

– Дожил до стольких лет, а ума не набрался, – посетовала Образцова, когда представление закончилось, и певец ушёл со сцены.

Они тоже выскочили из зала в коридор. Когда же очередь Ксюши?

– Ксения Александровна Пономарёва, – услышала она наконец. Сердце упало куда-то вниз, и возвращать на место его было некогда.

– Что будете петь? – услышала она вопрос.

– Плач Ярославны.

– Пожалуйста, – бросили равнодушно.

Ксения представила себе городскую стену старинного Путивля. Раннее утро. Ярославна ждёт своего супруга князя Игоря и плачет:

Ах! Плачу я, горько плачу я, слёзы лью,
Да к милому на море шлю рано по утрам.
Я кукушкой перелётной полечу к реке Дунаю,
Окуну в реку Каялу мой рукав бобровый…

Верхние ноты сложной арии давались легко, а потом Ксюша вдруг испугалась и зажалась.

– Стоп, спасибо. Верха у вас красивые, а середину надо доработать, – властно оборвала её пение маститая певица, – следующий.

Неловко повернувшись, не чувствуя ног, Ксения сошла со сцены и медленно пошла к выходу. Провалилась… Она вышла в коридор и встала у окна – что же делать?

– Пономарёва! – выкрикнула девушка-администратор, – хорошо, что вы не ушли. Елена Васильевна просила передать – вы приняты на испытательный срок. Согласны?

Всё поплыло перед глазами Ксюши.

– Конечно, согласна, – прошептала она, чувствуя, как рот невольно растягивается в улыбке.

– Хорошо, приходите через три дня на первую репетицию. А пока идите в отдел кадров. Паспорт у вас с собой?

– Да…

Краем глазом Ксюша замечала завистливые взгляды неудачливых певцов. Администратор ушла, и Ксения как следует рассмотрела Юлю – яркую, уверенную в себе брюнетку, чуть выше её ростом, да ещё на каблуках. Себя она красавицей не считала: роста среднего, волнистые русые волосы до плеч, серо-голубые глаза и небольшой прямой нос, идеальной формой которого можно было бы гордиться, если бы не надоедливые веснушки, появлявшиеся с первым тёплым солнцем.

– Поздравляю, Ксюха, приехала и сразу в дамки, – как-то криво улыбаясь, поздравила Верховцева, – будем держаться вместе, мы же новенькие.

Ксения была так счастлива, что готова была расцеловать бывшую однокурсницу.

– Предлагаю отметить наш успех. Пошли в кафе, я угощаю, – предложила она.

Верховцева секунду подумала и согласилась.

Они посидели в ближайшем кафе и всё друг о друге узнали: и то, что у Ксении до сих пор нет детей, и это подозрительно через пять лет брака, и то, что Юльке не везёт на мужчин, да она и сама ещё не решила, кто ей нужен. Обсудили и то, что приятельнице удалось узнать про театр – здесь важно попасть к хорошему концертмейстеру. Как это сделать? Ксения не представляла, а Юлька многозначительно хмыкнула.

– В нашем театре без протекции не обойтись. И пока мужчины занимают все главные должности, у красивой женщины есть отличный шанс сделать карьеру.

– Нет, мне такой вариант не подходит, – задумчиво произнесла Ксюша, – я настроена по боевому: буду брать вершины сама, без чьей-либо протекции.

– Если подвернётся удобный случай, ты же не будешь отказываться?

– Если только подвернётся, – засмеялась Ксения, – но вопрос в том, чем надо будет платить за протекцию? Я ведь замужем.

– А чего у тебя до сих пор детей нет? Вы вроде уже давно женаты?

– Да я и сама не знаю, проверяться было некогда, да и негде там, в Сибири… Зато карьеру смогу сделать, – оптимистично заметила Ксюша. Настроение у неё было отличное – с первого раза взяли в такой знаменитый театр, пусть и на испытательный срок. Единственно, что омра-

чало настроение – нежелание идти домой, но… – Мне пора, Гриша будет недоволен, если я в первый же день задержусь до позднего вечера.

Они расстались с Юлькой у метро, а подъезжая к дому, Ксюша решила обмануть судьбу, и, чтобы избавиться от неловкого объяснения с мужем, попросила встретить её у магазина. Она заскочила в универсам и набрала кучу ненужной еды, только чтобы сумки стали неподъёмными.

Если бы её кто-нибудь спросил, чего она боится, она бы не смогла ответить. Гриша был умным, интеллигентным человеком, который никогда не кричал, и уж тем более не поднимал на неё руку. Но он всё же мог наказать тем неуловимым изменением в настроении, которое делало их отношения ещё более прохладными, и это больно ранило. Ксюша желала, чтобы несмотря на все их различия в характерах, всё же оставалось некое тёплое чувство, которое соединило их когда-то давно. Они ведь и до свадьбы были разными, но была нежность, дарующая понимание друг друга на интуитивном уровне. И холодность Гриши убивала последнюю теплоту в их отношениях.

Его высокую статную фигуру, с военной выправкой, Ксюша увидела за несколько метров и поспешно пошла ему навстречу, чувствуя, как тяжёлые пакеты оттягивают ей руки.

– Зачем ты столько набрала еды? У нас магазин под боком, ходи хоть каждый день, – скривив губы, спросил Гриша, и Ксения опять ощутила себя виноватой. Это давнишнее чувство было похоже на состояние преступника, которого ещё не осудили, но вина которого уже была почти доказана.

"Спросит или нет про моё поступление в театр?" – думала она, подстраиваясь под его широкий шаг, но так и не дождалась вопроса.

– А меня взяли солисткой Михайловского театра, – не выдержала она, – давай отметим мой успех.

Гриша не повернул головы, но и не возразил. Они уже зашли в парадную, и он сделал вид, что очень занят вызыванием лифта.

И всё-таки Ксюша красиво накрыла стол, разлила в бокалы красного вина и стала ждать тост. Тоста не было, но и сухо брошенному "поздравляю" она была рада. После совсем непродолжительного ужина настроение повысилось и у неё, и у него. И ночью она удостоилась дежурных, почти равнодушных ласк, после которых у неё опять возникло ненавистное чувство неполноценности, словно она не заслужила большего.

Глава вторая

Через три дня Ксюша пришла на первое занятие с концертмейстером, но в театре сразу наткнулась на жуткую неразбериху. Все бегали, и никто ничего не знал: кто с кем занимается, кто будет разучивать партии для новой постановки "Евгения Онегина", а кто поедет на какие-то гастроли, как краем уха уловила Ксения оживлённые обсуждения хористов.

– Ты представляешь, – зашептала Юлька, наткнувшись на растерянную Ксюшу в коридоре, – мы, новенькие, едем на гастроли по Волге. Класс! Погода шикарная, до отпуска, как до луны, а тут такая возможность отдохнуть.

– И солисты едут?

– Конечно. Директор поручил нашему хормейстеру Литваку составить программу выступлений: кто что знает, то и будет петь. Репетировать особенно некогда.

Ксюше хотелось остаться в театре и начать разучивать оперные партии, но она понимала, что её мнения никто не спрашивает.

– Ты что, не рада? – удивилась приятельница.

– Рада, – неуверенно ответила она, – а у кого мне узнать, берут меня или нет?

– Иди к Литваку, он ответственный за гастроли.

Дверь в кабинет с табличкой "Литвак Михаил Львович" была приоткрыта. Негромко постучав, Ксюша просунула голову.

– Разрешите?

– Да-да, – произнёс молодой человек в очках и с чёрными густыми бровями, которые, словно вторые очки, обрамляли умные глаза. При виде Ксении хормейстер встал, и она увидела, что росту он невысокого, да и вообще, фигура у него была как у подростка – щуплая и какая-то несолидная… – Вы что-то хотели?

– Да, моя фамилия Пономарёва, я новенькая… Я хотела спросить, меня тоже записали на гастроли?

Литвак взял с заваленного бумагами стола список и нашёл её фамилию.

– Да, вы тоже едете…

– А это надолго?

– Нет, всего на десять дней, – он неожиданно приятно улыбнулся, – считайте, что вам повезло – поездка несложная, а города на Волге очень красивые…

– Да, я знаю. А что я должна буду петь?

– То, что вы готовили на прослушивание, я полагаю. С нами поедет самый опытный концертмейстер, так что у вас будет возможность с ним позаниматься, а если вы ему понравитесь, то считайте, вам крупно повезло – обычно солисты, с которыми он занимался, у дирижёра при кастинге на спектакль имеют приоритет.

Теплоход "Максим Литвинов" медленно отчалил от речного вокзала. Пассажиры помахали провожающим и стали распределяться по каютам. На удивление, Ксюше досталась крайняя каюта с единственной кроватью, чему она была очень рада – она любила побыть одна.

Разложив вещи, она поднялась на палубу и стала искать уединённое место, чтобы почитать или просто полюбоваться видами вокруг.

Но Нева выглядела очень скучно – широкая, с серой водой. Ветер был крепким и прохладным, и казалось, что на дворе не шапка лета, а только-только наступила весна. Ксения жадно вглядывалась в очертания домов и старинных церквушек на берегу, непременно украшавших своими куполами почти каждое селение. Незаметно наступил вечер, и закат, который в городе она никогда и не видела из-за домов, здесь поражал своими багряными красками. Насмотреться было невозможно…

За ужином в кают-компании было шумно. Хористы предвкушали интересное путешествие и бурно обсуждали программу гастролей, словно это была не работа, а полноценный отпуск.

Юлька заняла лучший столик в кафе, и когда Ксения вошла, весело помахала ей рукой.

– Смотри, какая я молодец, – заговорщически зашептала приятельница, – рядом с нами компания важных людей, с которыми есть шанс познакомиться в непринуждённой обстановке.

Она выразительно повела глазами в сторону соседнего столика. Ксения осторожно повернула голову, чтобы рассмотреть трёх мужчин. Все трое были такие разные, словно вместе собрались Атос, Портос и Арамис. Такое сравнение сначала удивило саму Ксюшу, а потом она пригляделась и поразилась, как точно: первый, как поведала Юлька, – концертмейстер, полный пожилой мужчина с пухлыми щеками и губами. Его одутловатое лицо с набухшими веками свидетельствовало о любви к спиртному или болезни. Ксения смотрела на его полные пальцы и не верила, что он может хорошо играть.

Второй – худосочный молодой человек с грязными длинными волосами являлся режиссёром оперной труппы. При разговоре по его лицу всё время скользила самодовольная улыбка.

А третьим был самый симпатичный – мужчина лет сорока с восточными чёрными глазами, смуглой кожей и прекрасной белозубой улыбкой. Но улыбался он редко, больше слушал первого и с безучастным выражением лица осматривал людей вокруг, лениво потягивая воду из высокого стакана. Его взгляд задержался на Ксении, и она поспешила отвести глаза.

– Ты знаешь, кто этот красавчик с восточной внешностью? – тихо продолжала Юлька просвещать подругу, – это лучший солист нашего театра – Стасов Дмитрий Алексеевич. Его ещё совсем молодым нашёл вот этот толстый концертмейстер, Плетнёв Геннадий Борисович, а теперь он ему как сын. Если Стасову кто понравится, Плетнёв обязательно возьмёт к себе и поможет с карьерой. А если нет – пиши пропало, можно увольняться из театра.

Ксения не представляла, как она может понравиться Стасову, флиртовать она не собиралась даже ради карьеры.

Её внимание привлекла весёлая компания в другом конце зала. Четверо молодых людей, вероятно, из оркестра, что-то шумно праздновали: сначала русоволосый парень, сидевший к ней спиной, приподнял бокал и сказал тост, обращаясь к полному черноглазому другу, а потом вдруг чисто запел приятным баритоном "Многая лета!" Мелодию подхватили остальные, без труда разделившись на четыре голоса, так что Ксюша подивилась их слаженности.

Приятели шумно выражали свои эмоции, подшучивали над именинником. Русоволосый парень, видимо, был душой компании, потому что остальные внимательно вслушивались в его слова и взрывались таким громким хохотом, что на них уже начали обращать внимание.

А потом они снова запели:

Если приятель к тебе зашёл,
"Цоликаури" ставь на стол,
Если ты выпил и загрустил,
Ты не мужчина, не грузин!
"Цоликаури" кипи в крови,
Будем гулять мы до зари!

Двое залихватски выпевали мелодию, а двое других зычно тянули прозрачную квинту, как настоящие грузины.

Гогия, гогия,
"Цоликаури" гогия…

На припев кто-то из них прихлопывал по столу, кто-то по коленям, как бы подыгрывая на ударных инструментах.

Посетители кафе откровенно восхищались чистым, красивым пением, глядя во все глаза на шумную компанию. Но не все были довольны таким соседством. Юлька покосилась раздражённо:

– Эти оркестранты – алкаши несчастные, лишь бы что-нибудь праздновать, – проворчала она.

– Почему алкаши? – удивилась Ксюша, – поздравляют друга с днём рождения, что же тут плохого?

– Ты не туда смотришь, в этой компании ловить нечего. Посмотри лучше на Стасова, он чего-то не сводит с тебя глаз. Вот где крупная рыба…

– Юля, я не на рыбалке. Крупная рыба сидит у меня дома и даже не одна… – со вздохом сказала Ксения, вспомнив Маргариту Львовну, которая вдруг ей представилась в виде большой толстой акулы.

Вечером в каюте Ксения недолго почитала любимого Ремарка и не заметила, как уснула. Проснулась она от какого-то скрежета и стона – словно где-то не закрыли дверь, и та громко скрипела несмазанными петлями. Ксения попыталась отключиться от этого звука, но стоило лишь закрыть глаза, как жуткий скрежет отгонял всякий сон. Она вышла посмотреть – где это? Её каюта была крайней, а за ней глухая стена, оттуда и раздавался противный скрип. Что же делать?

Ксения вышла на палубу и чуть не задохнулась от сильного порыва ветра. Река выглядела уже не такой спокойной, как вечером – крупные волны качали теплоход. Вот откуда скрип – что-нибудь трётся из-за волнения. Она ещё постояла на палубе, но замёрзла и пошла обратно. Около лестницы ей встретился матрос, спешивший куда-то с озабоченным видом.

– Скажите, а у вас нет свободной каюты, а то в моей что-то скрежещет, и я не могу уснуть.

Матрос отрицательно покачал головой.

– Что вы, девушка, все каюты заняты. А от волнения на реке скрипят компенсационные швы. Ветер успокоится, и скрежет исчезнет.

Он убежал, а Ксюша озаботилась, как она будет спать, если волнение будет каждую ночь.

На следующее утро хормейстер Литвак собрал их в музыкальном салоне и начал составлять программу выступления. Вид у него был безрадостный – как оказалось, опытная солистка, на которую он возлагал большие надежды, в последний момент свалилась с температурой и осталась на берегу. Кто теперь будет петь со Стасовым дуэт из оперы Верди?

– А какой дуэт? – тихо спросила Ксюша. Верди был её любимым композитором, и все госэкзамены она сдавала только на его музыке.

– Дуэт Амелии и Ренато из оперы "Бал-маскарад", – с надеждой в голосе ответил Литвак.

– Я знаю его, могу попробовать спеть.

– Замечательно, – Литвак чуть не подпрыгнул от радости, – тогда сегодня в час дня приходите сюда. Плетнёв с вами позанимается.

Ксюша ощутила на себе завистливый Юлькин взгляд, но решила перевести в шутку неприятную реакцию подруги:

– Делаю всё по твоему совету: попробую понравиться всесильному концертмейстеру, – прошептала она ей на ухо. Юлька криво улыбнулась.

– Давай, давай, глядишь – так и станешь примадонной. А я на следующее прослушивание тоже выучу что-нибудь из Верди.

– Конечно, у тебя чудесное сопрано, – ободряюще сказала Ксения, – грех такой голос в хоре зарывать.

Но Юлька уже не слушала её, настроение у неё испортилось не на шутку.

Ксения ушла готовиться к репетиции, а хористы остались с Литваком разучивать другие номера для концертов.

Когда она вошла в музыкальный салон без пяти час, ещё никого не было, и она уселась с нотами за стол, стараясь не волноваться. Прошло пять, потом десять, потом двадцать минут, но никто не приходил. Ксюша уже думала, что Литвак неправильно сообщил ей время, и собиралась уходить, но тут открылась дверь, и, медленно вышагивая и тяжело дыша, зашёл Плетнёв Геннадий Борисович. Ксения встала и поздоровалась. Концертмейстер посмотрел на неё задумчиво, пожевал губами и кивнул:

– Давайте заниматься, вы готовы? – бесцветным голосом спросил он. – Партию знаете или с вами надо ноты учить?

– Знаю, я этот дуэт на госэкзамене пела.

– На госэкзамене – это хорошо. Ну-с, прошу.

Он поставил ноты и неожиданно бравурно заиграл. Ксения смотрела, как ловко перепрыгивают его жирные пальцы с клавиши на клавишу и чуть не пропустила вступление… Она пела, но чувствовала, что не может раскрыться в полную силу, будто что-то мешало…

– Нет, так не пойдёт, – остановился Плетнёв, – это называется халтура. Вижу, что партию вы знаете, но не понимаете, о чём поёте… Ренато угрожает Амелии убить за измену, а она умоляет оставить ей жизнь. Если будете просить так вяло, то не сможете уговорить разъярённого супруга. Вы представляете, как он зол на свою жену?

– Честно говоря, не очень, – задумчиво протянула Ксения, – мой супруг очень спокойный человек и никогда меня не ревновал.

– Так давайте я изображу, – раздался сзади насмешливый голос. Ксюша повернулась и увидела Стасова, незаметно вошедшего в салон. – Давайте попробуем ещё раз. – Он улыбнулся Плетнёву, и тот снова заиграл вступление.

Стасов запел, и Ксюша оцепенела от нахлынувших чувств. С одной стороны, ей было страшно смотреть в глаза безжалостному Ренато, в которого перевоплотился Стасов, а с другой стороны, этот бархатный звучный голос проникал в её душу и доставлял необычайное наслаждение. Она тоже стала Амалией, которая под страхом смерти молила о пощаде. Ксения вспомнила о сценических действиях и сложила руки в молитвенном жесте.

– Ну, это другое дело, – ворчливо заметил Плетнёв после небольшой паузы, – как, Дима, будешь с ней петь?

Стасов пристально оглядел Ксюшу, как ей показалось – с головы до ног, и ответил:

– За неимением гербовой пишем на простой. Вам нужно репетировать с Геннадием Борисовичем каждый день.

Ксюша заволновалась и затеребила мочку уха, подсознательно чувствуя, что своими словами Стасов дал добро на пение с ним дуэтом.

– Конечно, я с радостью, – ответила она, улыбнувшись. Но Дмитрий не ответил на улыбку, а как-то странно посмотрел на её руку возле уха, буркнул "хорошо" и стремительно вышел. Ксюша растерялась.

– Я что-то не так сказала?

– Девушка, не забивайте себе голову чужим настроением и поведением, – устало ответил Плетнёв, – как вас зовут, кстати?

– Ксения Александровна Пономарёва.

– Приходите каждый день сюда к часу дня, будем оттачивать ваше мастерство, чтобы не сильно была видна разница между Дмитрием Алексеевичем и вами. Вам понятно?

– Да, я могу идти?

– Идите, идите, учите партию, исправляйте произношение – ваш итальянский не выдерживает критики.

То ли ветер был холодный, то ли щёки её слишком горели, Ксюша не знала. Она стояла на палубе и думала о прошедшей репетиции: мужчины показались ей надменными и не очень вежливыми, но всё-таки с ней занимались. Неужели сегодня началась её карьера?

Следующая репетиция прошла без Стасова. Ксения весь вечер посвятила итальянскому произношению, и, довольная собой, пришла к Плетнёву на следующую репетицию. Но тому показалось мало её стараний.

– А вы понимаете, о чём поёте? – задал он неожиданный вопрос после того, как она спела первую фразу.

– В общих чертах, конечно, – пролепетала Ксюша.

– О, молодые халтурщики, солист должен знать итальянский, как родной. Прочитайте вслух первое предложение.

– Morrò – ma prima in grazia, deh! mi consenti almeno l'unico figlio mio avvincere al mio seno e se alla moglie nieghi quest'ultimo favor,

– Прекрасно, а теперь переведите.

– "Умру, но позвольте мне увидеться с сыном", – так, кажется, – прошептала она.

– А вот и нет, – въедливо ответил Плетнёв, – она обращается к мужу, словно к Богу, а потому произносит слова "из милости", "не отвергай мольбы", "позволь"… Понимаете разницу между вашим почти юридическим текстом и тем чувством, которое Амалия вкладывает в свои слова? Давайте ещё раз.

Геннадий Борисович казался не менее заинтересованным в хорошем результате, чем сама Ксения. Он терпеливо объяснял, как лучше спеть ту или иную фразу, подсказывал жесты, обращал внимания на динамические оттенки и заставлял перепевать по несколько раз одно и то же место, чтобы добиться нужной динамики. Ксюша с благодарностью повторяла, стараясь изо всех сил, и в конце репетиции она увидела, что Геннадий Борисович остался доволен её исполнением. Она уже повернулась, чтобы идти к выходу, как вдруг заметила, что в конце музыкального салона сидит Дмитрий Стасов и внимательно смотрит на неё.

– Дмитрий Алексеевич, вы со мной спеть хотите? – немного растерянно спросила Ксюша.

– Да, пожалуй, спою, – произнёс он, вставая из-за стола.

Они запели, и Ксения ждала, что он будет останавливать Плетнёва, чтобы сделать ей замечание, но он ничего не говорил, а только пел и словно гипнотизировал её взглядом. В груди у Ксюши родилось волнение, которого не было раньше. У неё было ощущение, что Стасов исполняет роль Отелло, а не Ренато, так грозен был его взгляд.

Alzati! la tuo figlio
A te concedo riveder.
Nell'ombra e nel silenzio,
La il tuo rossore
e l'onta mia nascondi.

(Встань с колен! Там ты можешь
Обнять вновь сына твоего.
Там скроешь ты навеки
Стыд и мой позор
в тиши уединенья!)

После того как была спета последняя нота, Ксения с трудом перевела дыхание.

– Пойдёмте прогуляемся, – неожиданно предложил Стасов своим обычным спокойным голосом. И Ксюша удивилась – где же он настоящий? Разве может так страстно исполнять эту арию такой внешне невозмутимый человек? Голос у него даже в разговоре был необычайно приятным: густой и самоуверенно-сочный, но не слишком громкий, с некоторой ласковостью и насмешливостью в тембре. "Такому голосу хочется подчиниться," – подумалось ей, когда она безропотно последовала за ним.

Они вышли на палубу, и Стасов предложил присесть на свободную скамейку. Погода была отличная. Жаркое солнце светило на другой стороне палубы, а здесь была тень, и ветер дул так ласково, словно кто-то проводил по лицу нежным шарфом из гагачьего пуха. Весело переговариваясь, туда-сюда ходили парочки, кто-то дозванивался по телефону, пытаясь поймать сеть посередине Волги, из кают-компании были слышны громкие весёлые голоса. Иногда мимо пробегали матросы. Теплоход жил своей обычной жизнью.

– Дмитрий Алексеевич, вы так прекрасно поёте, что я боюсь, на вашем фоне буду выглядеть недостойной партнёршей.

– Бросьте, Ксения, у вас отлично получается, а Геннадий Борисович исправит последние недочёты. А вы не хотите перейти "на ты"? Что мы так официально общаемся? У нас разница в возрасте, – он на миг задумался, – лет пятнадцать, я полагаю, но для меня это неважно.

Она подсознательно ждала этого и боялась, но ответ приготовила заранее.

– Боюсь, что я не смогу перейти сразу на "ты". Я выросла в Петербурге, и даже в школе нас учителя часто называли на "вы". Для меня это нормально. И дело тут, конечно, не в возрасте.

– Но друзья же называют друг друга на "ты". Я предлагаю вам дружбу.

– Для дружбы нужно время, а кроме того, – Ксюша замялась, но потом всё-таки сказала: – дружба между мужчиной и женщиной часто перерастает в любовь или страсть, а мне бы этого не хотелось, потому что я замужем, – выпалила она, чувствуя, как предательски загорелись щёки.

Он положил ногу на ногу и с интересом посмотрел на неё.

– Вы кажетесь такой юной и наивной, а рассуждаете смело и откровенно, как не каждая взрослая женщина. Я удивлён, Ксения.

– Я прожила пять лет в Сибири. Там народ вообще очень искренний, говорит без обиняков. Сначала было необычно, а потом я и сама так привыкла общаться. Мне даже понравилось всегда говорить правду.

– Неужели вы никогда не врёте, не хитрите? – недоверчиво прищурился он.

Ксюша пожала плечами.

– А с кем мне хитрить? Да и обманывать никого не нужно. Поверьте, Дмитрий Алексеевич, так легче жить.

– В таком случае я восхищаюсь вами, – насмешливо произнёс он.

– Спасибо, но ваш талант достоин большего восхищения, – вежливо ответила Ксения.

Её уже начал тяготить этот разговор, и она была рада, когда услышала, что её зовёт Литвак. Ксюша попрощалась и убежала.

Стасов остался сидеть в одиночестве. Он погрузился в воспоминания далёкой-далёкой юности, которая прошла в маленьком городке под Ташкентом, где жили его родители. В соседней квартире поселилась русская семья врачей с девочкой Аней – ровесницей Дмитрия.

Она была словно инопланетянка – сероглазая девчонка с русыми косичками. Но никто бы и не обратил на неё внимание, если бы Аня сама не навязалась их компании, состоящей из одних мальчишек. Сначала её не принимали всерьёз, пытались даже убегать, но длинноногая девчонка доказала свою ловкость и быстроту. Впоследствии уже никто не считал, что она им

не подходит: большая выдумщица по части игр, смелая и одновременно рассудительная – с ней всегда было интересно.

Им было уже по четырнадцать лет, как случилось, что на берегу Ташкентского моря Дима глубоко порезал ногу, наступив на стекло. Кровь хлестала из раны, и никто не знал, что делать. Только Аня не растерялась, а решительно оторвала подол своего платья и, перевязав его ногу, остановила кровь. После этого случая их отношения стали более тёплыми. Приятели смеялись и называли их женихом и невестой. Они отшучивались, но не обижались.

Дима и Аня дружили всё детство, пока он не уехал в Ташкент поступать в музыкальное училище, а она через год – в медицинский институт. С тех пор он почти не встречал её и первый год жестоко скучал, но время постепенно залечило рану, нанесённую разлукой, а после поступления в Петербургскую консерваторию он и вовсе забыл подругу.

И вдруг, когда Ксения в задумчивости непринуждённо потёрла мочку уха, Стасов всё вспомнил. Да так сильно, с такой ясностью, с такой тоской, что ему захотелось вернуть, вернуть Аню с её добротой, искренностью, прямотой, которых ему так, оказывается, не хватало все эти годы в этом холодном городе, где он и сам стал холодным и закрытым, и только в музыке позволял себе проявлять те эмоции, которые всегда были присущи его южному горячему темпераменту.

Он смотрел на эту молодую женщину и пытался найти в ней черты Ани. Нет, Ксения была другой – более холёной, белокожей, умной, но с такими же смешными веснушками на носу, как у той. Но её прямота, умный взгляд серых глаз да ещё эта привычка теребить мочку уха словно обожгли его сердце воспоминанием о первой любви, и он не мог найти покоя, теперь всё время думая о ней.

Глава третья

Ксения не поняла, почему Юлька стала её избегать, вроде не ссорились. Но когда бы она ни подходила к ней, чтобы поболтать, та обязательно вспоминала какое-то дело. Странно…

Теплоход приближался к Ярославлю, где им предстояло дать первый концерт в недавно построенном концертном зале под громким названием "Миллениум". Погода была идеальной – выдалось на редкость жаркое лето. Хористы в свободное время принимали солнечные ванны на верхней палубе, так что многие уже были похожи на отдыхающих где-нибудь в Тунисе, а не в средней полосе России. Но Ксюша загорать не любила, она проводила время в одиночестве – или в кафе, или на палубе где-нибудь в тени, радуясь возможности поучить итальянский язык.

Из музыкального салона донеслись мелодичные звуки флейты. Ксюша удивилась – она знала, что оркестранты едут вместе с ними на теплоходе, но ещё ни разу не слышала, чтобы они репетировали. Она тихонько приоткрыла дверь и заглянула. В глубине салона сидела группа из трёх человек: один увлечённо выводил мелодию на скрипке, другой вторил ему на флейте, а третий негромко подыгрывал на пианино.

Ксюша знала это произведение, но ей показалось, что чего-то не хватает – мелодия то появлялась, то исчезала.

Флейтист – мужчина лет тридцати с русыми волнистыми волосами, первым заметил замеревшую Ксению и прекратил играть. За ним прервались и остальные, вопросительно поглядев на неё. Она узнала их – это была та самая компания друзей, которые отлично пели грузинские песни в кафе.

– Э-э, здравствуйте, – неловко начала Ксюша, – извините, что помешала… Вы так красиво играли, что я не могла не заглянуть, но мне кажется, вам не хватает одного голоса.

– Даже посторонние слышат, – проворчал черноволосый полный скрипач, вытирая платком вспотевший лоб, – я же предупреждал, этот номер не пойдёт: надо либо солистку искать, либо что-то другое играть.

– А вы ведь новенькая солистка Ксения, да? Может, подпоёте нам? – предложил флейтист. При улыбке у него на щеках появлялись две обаятельные ямочки, и Ксюше он сразу понравился. – Меня, кстати, Олегом зовут, за клавишами Вадим, – молодой парень с выбритым затылком сухо кивнул, – а самый недовольный у нас – Лёва.

Ксения застеснялась и хотела отказаться, но увидела скептическое выражение лица скрипача и передумала.

– Давайте, я посмотрю, а если что-нибудь не получится, поучу отдельно. Не думаю, что это сложнее Верди, – уверенно произнесла она.

Олег с готовностью протянул листок, и Ксения увидела латинские слова под известной мелодией Генделя. Промурлыкав про себя партию, она окончательно оправилась от смущения. Если бы все смотрели на неё с надеждой, то её бы обуял страх не оправдать ожидания, но ворчливый Лёва смотрел недоверчиво, а пианисту было всё равно. Резкость одного и равнодушие другого избавили её от зажатости, и, подбадриваемая взглядом Олега, она спела партию без ошибок. Нежная мелодия тронула тайные струнки её души и будто напомнила о чём-то важном, что Ксюша забыла…

– Отлично! – воскликнул после первого прогона Олег, – Ксения, выступите с нами в Ярославле?

– Хорошо, – улыбнулась она, – если ваши друзья не против.

– Не против, не против, – проворчал Лёва, – всё равно Олег решает. Но согласись, – повернулся он к флейтисту, – так рисковать нельзя. А если бы мы не нашли солистку…

– Ладно, не ворчи, – похлопал приятеля по плечу Олег, – Бог послал нам прекрасную девушку.

Ксюша покраснела.

– Ребята, я побежал, до встречи, – коротко попрощался Вадим. За ним ушёл и Лёва, продолжая ворчать что-то себе под нос. Ксюша с Олегом остались вдвоём.

– Пойдёмте, погуляем по теплоходу, – предложил он, и Ксения с радостью согласилась, тем более что без Юльки она всё-таки ощущала себя чужой этой театральной компании, где почти никого не знала, и уж точно больше ни с кем не успела подружиться.

Они сидели на палубе и смотрели на течение реки. Бывают такие люди, с которыми чувствуешь родство душ после двух-трёх минут беседы. Так у неё произошло с Олегом. Они быстро перешли на "ты". Олег расспрашивал Ксюшу о прошлой жизни, об увлечениях, планах, и ей хотелось откровенно делиться с ним, будто они знакомы очень давно…

Ксюша рассказывала о своей жизни, и все её нестроения казались такими далёкими, будто это было и не с ней: оскорбления свекрови, равнодушие мужа и чувство бесконечного одиночества. Была ли она счастлива? Пожалуй, она была спокойна за завтрашний день – так и твердили её родители, подчёркивая достоинства такого мужа, как Гриша. Но эти слова всё чаще вызывали у неё уныние. Разве жизнь должна быть такой предсказуемой, что ты можешь быть уверена – ничего не случится ни завтра, ни послезавтра, ни через год, ни через десять.

– А чего бы тебе хотелось? – задумчиво спросил Олег, – поверь мне, иногда то, к чему мы стремимся, как к счастью, разрушает то хорошее, что у нас уже есть. Не всегда перемены бывают к лучшему. Я бы, наверное, согласился с синицей в руке, чем с где-то летающим журавлём.

Ей не хотелось соглашаться с таким мнением. В словах Олега она услышала какую-то обречённость, которая указывала на несчастье и предлагала выбрать не между хорошим и лучшим, а между плохим и очень плохим.

– Мне кажется, чтобы стать счастливым, человек должен решиться на какой-то важный шаг, – возразила она. – А если этого не сделать, потом будешь очень жалеть.

– И что же это должен быть за шаг? – горько усмехнулся Олег.

– Ну-у… Для меня это было – поступление в театр.

– Ты думаешь, это принесёт тебе счастье?

– Конечно, я же мечтала об этом, – горячо подтвердила она.

– А я не очень люблю театр.

– Зачем же ты здесь работаешь, если тебе не нравится музыка?

– Музыку я люблю, я не очень люблю оперу, и с удовольствием бы занимался другим жанром, но пока не получается. Ладно, пойдём ужинать.

– Ты ничего не рассказал о себе, – пожалела Ксения.

– У нас будет ещё время, я уверен, – весело подмигнул Олег, обаятельно улыбнувшись.

Ярославль оказался удивительно ухоженным и чистым городом. Сидя в автобусе, Ксюша заглядывалась на бесчисленные купола церквей, видневшихся в разных частях города, и мечтала посмотреть их поближе.

Её беспокоил предстоящий номер с Олегом – всего лишь одна репетиция не могла вселить в неё уверенность.

Народу в зале было не так много, как ожидали организаторы концерта – тёплая летняя погода манила туристов и местных жителей скорее на Волгу, чем в концертный зал. Но хористы и солисты пели с полной отдачей. Ксения с бьющимся сердцем спела "Dignare" в сопровождении инструментального трио, и её волнение перешло в голос. Из-за этого получилось, на её взгляд, даже лучше – эмоциональней. После концерта Олег поблагодарил, но благодарность его прозвучала вяло.

– Тебе не понравилось? Ты выглядишь не слишком довольным, – наконец решилась спросить Ксения.

– Ксюша, я тебе очень благодарен, но, если мы будем работать вместе и дальше, я бы хотел тебя попросить – петь менее страстно. Понимаешь, это не оперная музыка, а молитва, в ней должно быть меньше человеческих чувств.

– Вот как? – удивилась она, – первый раз слышу, чтобы музыкант эмоции считал лишними. А к Богу обращается не человек? Разве человек не должен просить как следует, с чувством? В арии тоже, между прочим, звучат слова мольбы Амелии: "Умру, но прежде из милости хотя бы разреши мне единственного сына прижать к груди…"

– Как ты не понимаешь, ведь это церковная музыка. Она требует бесстрастности, ангельского пения. Это тебе не любовную арию петь, – насмешливо закончил он.

– Ах, вот оно что, – Ксюша почувствовала себя уязвлённой. Как всегда в таких случаях, когда она была несогласна с собеседником, кровь бросилась ей в голову, и захотелось убежать. – В таком случае тебе надо пригласить в свой камерный ансамбль монахиню. Я не ангел и не собираюсь им становиться.

Она резко повернулась и ушла, не желая слушать извинений или объяснений Олега… Выскочив на залитую солнцем улицу, она надеялась увидеть Юльку и предложить ей погулять, но пока они спорили с Олегом, хористы разбрелись кто куда, и возле концертного зала стоял только Литвак, который озабоченно напомнил ей – не опаздывать к отправлению теплохода.

Возвращаться на теплоход ей не хотелось. Немного подумав, Ксения направилась в центр города, куда стекались со всех концов ручейки туристов. Было жарко, и Ксюша уже подумывала, что, может, стоит просто пойти покупаться, но жалко было не посетить ни одного интересного местечка в этом старинном городе.

В центре было много лавочек, возле которых толпились зеваки, а вокруг них громко вещали экскурсоводы, пытаясь переключить внимание туристов на себя и рассказывая историю древнего города:

– Город был основан Ярославом Мудрым в 1010 году как крепость для защиты северо-восточных границ Руси…

– В Спасском монастыре Ярославля в конце восемнадцатого века был найден единственный сохранившийся список "Слова о полку Игореве"…

– На гербе изображён медведь с секирой как символ предусмотрительности и силы…

Интересные сведения неслись со всех сторон, но туристов всё-таки больше интересовали магазины, которые, казалось, уже лопались от множества товаров, а потому избыток их вылился на уличные прилавки.

Ксюша вышла на улицу Советскую и подошла к древней церкви Ильи Пророка, в очередной раз подивившись, как в жизни русского человека соединились и древняя история, и недавнее советское прошлое. Храм поразил разноцветными росписями: ярко-розовые, голубые, лазурные, золотисто-охристые тона придавали внутреннему убранству светлое настроение, что было так не похоже на церкви и соборы Петербурга.

Через два часа прогулки она поняла – надо срочно возвращаться на теплоход, – ноги гудели от жары и ходьбы, а босоножки превратились в орудие пытки.

На обратном пути Ксюша наткнулась на смешной памятник Афоне и штукатуру Коле, где без труда угадывались любимые артисты Куравлёв и Леонов.

Ей стало скучно одной, обида на Олега ушла, и теперь она жалела, что так резко убежала. Она знала свой недостаток – обижаться на всякую ерунду и прерывать разговор, не выслушав партнёра. И каждый раз после такого случая она давала зарок быть более терпеливой, но пока ничего не получалось.

Ксюша вышла на широкую лестницу, ведущую на Волжскую набережную, и остановилась, любуясь открывшейся красотой. Широкая река освещалась ярким солнцем. Всюду, куда

только падал взгляд, виднелись купола старинных церквей, обрамлённые деревьями, словно зелёными волнами…

От избытка чувств ей захотелось петь. Она подумала о той возможности, которая для неё может открыться, если ею заинтересуется концертмейстер Плетнёв. Ксения была согласна на любые, даже самые скромные роли, лишь бы войти в ту группу солистов, о которых дирижёр вспоминает в первую очередь. И без протекции Стасова сейчас ей, наверное, было не обойтись.

Когда она вернулась на теплоход, сразу пошла в ярко освещённую кают-компанию, где уже, похоже, сидела вся труппа. За своим обычным столиком Ксения увидела Юльку и мужчину в чёрной рубашке, сидевшего спиной к двери. К удивлению Ксюши, мужчиной оказался Стасов. Юлька выглядела эффектно – она где-то откопала шёлковую блузку в виде тельняшки, которая невероятно шла к её тёмным волосам. Ярко-накрашенные губы призывно улыбались, так что от них трудно было оторвать взгляд.

Сама же Ксюша была одета в обычный лёгкий сарафан, но переодеваться было поздно, да и неохота.

– Добрый вечер, – поздоровалась она, – не ожидала вас увидеть за нашим столиком, Дмитрий Алексеевич.

– Ксения, я хотел уточнить – вы готовы завтра к выступлению? – спросил Стасов, прервав беседу с Юлей.

– Думаю, да, мы много занимались с Геннадием Борисовичем.

– Ну и отлично. Если наш дуэт получится, можно будет подумать о дальнейшей совместной работе, – сверкнув красивыми зубами в улыбке, сказал солист.

Сердце Ксюши радостно ёкнуло, она не сдержалась и благодарно улыбнулась в ответ. Чёрные восточные глаза Стасова внимательно следили за её реакцией.

– Ах, жалко, что я не знаю этого дуэта, – полушутя-полусерьёзно произнесла Юлька, – я бы выложилась на все сто. Ночами бы не спала…

– Ночью как раз надо спать, иначе голос будет плохо слушаться. Поверьте, если я не высплюсь или устану, это сразу отражается на голосе. Нет, надо беречь себя и все силы отдавать на выступлении.

– Ваш голос потрясающе звучит даже тогда, когда вы просто говорите,– восторженно глядя в глаза Стасову, произнесла Юлька.

Стасов пристально посмотрел на неё и довольно усмехнулся. Ксении стало неловко за подругу из-за столь откровенной лести.

– А вот у меня нет такого голоса, но, надеюсь, я вам не помешаю, – весело и немного развязно сказал Олег, неожиданно появившийся возле их столика. Волосы его были растрёпанными, а щёки раскраснелись, словно он бежал марафон.

– Мы не поём, поэтому вряд ли вы помешаете, – сухо ответил Стасов.

– А я и петь умею, к вашему сведению, зато вы на флейте не сможете сыграть, – задиристо продолжал Олег. Ксюше показалось, что он выпил. Не спрашивая разрешения, он подсел за их столик.

– Думаю, что я и без вашей флейты заработаю больше денег, чем вы в своей "братской могиле", как я слышал, называют оркестровую яму.

Ксения видела, что выяснение отношений переходит в конфликт. Олег ей был симпатичен, и она подозревала, что он задирается со Стасовым из-за неё, но принимать его сторону сейчас не хотелось. Юлька тоже смотрела ошарашенно и, вероятно, не могла придумать, как прекратить пикирование мужчин. На последнюю реплику Олег не отреагировал. Он налил себе воды и жадно выпил. За столом повисло неловкое молчание.

– В жизни главное, господин артист, не то, кто сколько денег зарабатывает, а кто кем в конце концов становится – сволочью или порядочным человеком, – наконец, сказал он.

Стасов бросил салфетку на стол и по-волчьи сузил глаза, но не успел ответить, потому что возмутилась Юлька.

– Олег, вас не звали за наш столик, и, по-моему, вы выпили лишнего.

– Олег мой друг, – вмешалась Ксения, – это я его пригласила, но мне бы не хотелось, чтобы разговор кончился дракой, – с нажимом заметила она, покосясь на Олега.

– В таком случае лучше уйти мне, – с кривой улыбкой сказал Стасов, – приятно было пообщаться, девушки, – вежливо попрощался артист, выходя из-за стола.

Олег усмехнулся, не замечая гневного взгляда Юльки, которая встала вслед за Стасовым.

Вдруг под их ногами включились машины. Теплоход медленно и протяжно загудел, а потом стал отходить от берега.

– Олег, извини, я очень хочу спать, – тоже поднялась Ксения, – увидимся завтра. Олег задумчиво посмотрел и кивнул в ответ.

На вечернее небо ветер нагнал большие мохнатые тучи. Солнце скрылось за горизонтом, и стало так темно, как бывает только в южных широтах. Пароход ощутимо покачивало, и Ксюша с тревогой подумала о предстоящей ночи. С шумом и весёлыми разговорами хористы направлялись в каюты, а она не торопилась идти в свою, обдумывая, где бы прикорнуть, если опять будет скрежетать за стеной. "А может, и обойдётся,"– подумала она.

Сзади кто-то подошёл, и Ксюша по шагам узнала Олега.

– Почему ты не идёшь к себе? – спросил он, вставая рядом и вглядываясь в тёмную воду.

– Сейчас пойду, только боюсь, что спать сегодня не придётся, – со вздохом ответила Ксюша.

– Почему?

Она рассказала про первую бессонную ночь и поделилась тревогой за нынешнюю.

– Если не сможешь уснуть, буди меня, мы что-нибудь придумаем, – пообещал Олег. Но ей не хотелось ничего придумывать, а просто хорошо выспаться после жаркого, насыщенного событиями, дня.

В каюте пока было тихо, и она уснула.

Ей приснилось, будто она едет на поезде, и кто-то нажал на стоп-кран. Жуткий тормозной звук раздался по всем вагонам. Захотелось зажать уши руками… Дёрнувшись, она проснулась. Произошло то, чего она боялась – за стеной был слышен противный скрежет. Она положила подушку на ухо, но это не помогло. Качка была сильнее, чем в первую ночь, и уснуть при таком шуме было невозможно.

Тяжело вздохнув, Ксюша поднялась на палубу. Здесь была темнота и тишина, нарушаемая сильными всплесками волн и звуками встречных сухогрузов и теплоходов. Где-то далеко на берегу светились деревеньки, мигая огоньками, словно посылая сигнал азбукой Морзе. Ксения не знала, сколько простояла, глядя на воду и наслаждаясь ночным покоем. Наконец веки стали тяжелеть, ею овладевала блаженная усталость, но тело стало мёрзнуть даже под курткой. Ветер был крепким, уверенно гнавшим волну, и не было никакой надежды, что погода переменится.

"Может, взять лежак и затащить в музыкальный салон,"– пришла спасительная мысль. Она решительно направилась к лежакам и столкнулась с Олегом.

Глава четвёртая

Олег пытался понять, что привлекало его в этой девушке. С одной стороны, Ксения не выглядела наивной маленькой девочкой, но с другой – была в ней какая-то бесхитростность и чистота души, которую он уже давно не встречал. Она казалась прилетевшей из другого мира. Её серые глаза смотрели без всякого кокетства и лукавства, а во взгляде можно было прочитать всё, что у неё происходило в душе. Если её хвалили за хорошее исполнение – она радовалась как ребёнок, а когда после концерта ей не понравились слова Олега – её серые глаза потемнели и стали свинцовыми. Она разозлилась и ушла стремительной пружинистой походкой, так что он даже не пытался её догнать, но из-за этой искренности она понравилась ему ещё больше…

Олег видел, как оценивающе на неё смотрел Стасов, и это его страшно злило, потому что Ксюша, по-видимому, всё принимала за чистую монету и не подозревала тайных намерений избалованного солиста. Не имея права вмешиваться в её судьбу, Олег всё-таки не мог остаться к ней равнодушным – он решил её защищать. Да, он и сам женат, и спрашивая себя, что же движет им в желании завести дружбу с Ксенией, честно себе отвечал – она ему нравится, очень нравится, но кроме дружбы он ей ничего не мог предложить. Новая любовь и новые обязательства его пугали, и по отношению к этой девушке у него не было никаких тайных мыслей.

В иллюминаторе уже давно была ночь, и ничего не было видно, но судя по качке корабля, ветер был сильный.

"А как там Ксюша? Вдруг она опять мучается из-за скрежета в своей каюте?" Эта мысль смела подступившую было дремоту, и Олег стремительно встал с постели. Быстро одевшись, он поднялся на палубу и порадовался, что не уснул…

На палубе стояла одинокая фигурка Ксюши, подставив лицо встречному ветру, который ворошил её русые волосы. Неожиданно она повернулась и быстро пошла в его направлении… Олег вышел из тени.

– Ой, это ты, Олег? – вздрогнула Ксюша.

– Я, – улыбнулся он, – чего ты испугалась?

Даже в темноте было видно, что Ксения смутилась.

– Просто все уже спят, я и не ожидала никого здесь встретить. Сама засыпаю на ходу, да только… – она вздохнула, – в моей каюте не заснёшь. Такой скрежет… – она округлила глаза, – у меня кровь стынет в жилах. Помоги мне перенести лежак в музыкальный салон, он вроде не закрывается на ночь.

– Подожди, у меня предложение получше, – остановил её Олег, – мой сосед по каюте сошёл в Ярославле, там у него родственники… Так вот, вторая кровать свободна. Пойдём ко мне?

Ксения от него отшатнулась и ничего не ответила, замерев от неожиданного предложения.

– Ксюша, не подумай ничего дурного, я тебе предлагаю просто по дружбе, – поспешно продолжил Олег, – я не маньяк и не сумасшедший, можешь мне поверить.

Она рассмеялась и засунула руки в карманы.

– Хорошо, пойдём, если так.

Они спускались, и Олег видел, что Ксения чувствовала себя неловко, боясь на него смотреть. В каюте он показал ей свободную кровать и предложил устраиваться, а сам пошёл в душ. Когда он вернулся, она уже лежала, закрывшись одеялом по самое горло.

– Всё-таки мне неудобно, – проговорила она после небольшой паузы. – Если бы Гриша узнал, что я ночую в каюте мужчины, ему бы это точно не понравилось… Придётся скрывать сей факт…

– Да, ситуация щекотливая, но согласись, разные обстоятельства в жизни бывают… А изменяют люди не только физически…

– Как это? – не поняла Ксения, – как можно изменить не физически?

Олег пожал плечами.

– Увлечься другим человеком, мечтать о нём и забыть свою семью… Разве это не измена?

Ксюша приподнялась на локте, с вниманием слушая его.

– Ты так говоришь, будто на себе это испытал.

– Да, только увлёкся не я, а моя жена, – горько усмехнулся Олег. – Я бы уже давно развёлся… Только из-за сына и живу с этой… женщиной.

– И кем же она увлеклась?

– Ты не поверишь – сначала мы вместе ходили в обычную церковь, даже ездили волонтёрами на Валаам, а потом она попала в секту, стала одеваться во всё чёрное и спать на полу. Забыла домашнее хозяйство, перестала замечать сына и меня. Я пытался достучаться до её разума, но, по-моему, опоздал. Вот сейчас приеду, не знаю, что меня ждёт. Хорошо, что её мать с нами живёт, хоть за ребёнком присмотрит.

– А почему ты не уйдёшь от неё?

– Грозит, что не даст видеться с сыном.

– А сколько ему лет?

– Десять. Самый возраст, когда хочется с ним пообщаться, что-то рассказать. У него такие вопросы глубокие возникают… А ей на всех наплевать. Хотела квартиру продать, да, к счастью, мать выступила против – на неё квартира записана.

– Как всё сложно у тебя, – сочувственно прошептала Ксюша.

Олег невольно залюбовался ею – её русые волосы чуть растрепались и лежали крупными локонами на плечах. Пока она его слушала, то, по всегдашней своей привычке, так теребила мочку уха, что казалось, длинная серёжка в виде серебряной капельки не выдержит такого натиска. Когда она наклонялась к нему, задавая вопрос, серые большие глаза и тёплая улыбка освещали её лицо.

Ксения ещё ничего не знала о нём, а он почти не знал её, но у них обоих было такое ощущение, что они дружны уже очень давно и давно доверяют друг другу.

– А ты счастлива в браке? – после недолгого молчания спросил Олег. Он тоже залез на свою кровать, но спать ему совсем не хотелось.

– Не знаю, – на её лице появилась грустно-мечтательная улыбка, – когда я выходила замуж, то думала, что буду очень счастливой. Но права оказалась моя мудрая бабушка, которая предупреждала меня, что мы с Гришей очень разные. Да и детей у нас нет… Веришь ли, иногда даже не знаю, о чём поговорить с мужем за обедом или ужином. Разве это нормально? О своих делах он не рассказывает, а мои его не интересуют… И в последние годы мне было бы очень скучно, если бы не театр. – Она закрыла глаза, – если бы ты знал, как мне нравилось работать в театре… В нём столько жизни, столько эмоций… Хорошо, что меня приняли в Михайловский. Правда, говорят, здесь не просто получить роль новеньким солистам, но мне повезло – видишь, Плетнёв со мной стал заниматься, а завтра я выступаю со Стасовым, – с гордостью закончила она.

Ему не хотелось пугать Ксюшу, но промолчать он не мог.

– Ксения, остерегайся этого человека…

– Кого? Стасова?

– Да, ты, наверное, слышала, что он известный ловелас, говорят, у него и дети есть от разных браков.

– За кого ты меня принимаешь? – рассерженно ответила Ксюша, – я не собираюсь крутить с ним роман, тем более что я всё-таки замужем, и больше всего на свете ненавижу враньё, а потому изменять мужу не собираюсь.

– Ты не собираешься, а ему наплевать на твои желания… Берегись его.

– Не беспокойся, я девочка взрослая – сумею за себя постоять.

Повисла неловкая пауза, и Ксюша решила устроиться поудобнее на кровати.

– Давай спать, спокойной ночи, – произнесла она, и Олег согласно ответил:

– Спокойной ночи…

Утром Олег ещё спал, когда Ксюша потихоньку вышла из его каюты, надеясь так рано никого не встретить из хористов. Она аккуратно прикрыла дверь и повернулась… На неё во все глаза глядела Юлька… Вид у подруги был ошарашенный.

– Ну ты даёшь, Ксюха, не теряешься, – растягивая слова, произнесла она. – А по виду тихоня…

Ксюша дёрнулась оправдаться, но вспомнила, как пошло и глупо звучат в таком случае слова: "Это не то, что ты подумала" и промолчала. Что толку оправдываться? Юля всё равно не поверит. Ксюша развернулась и пошла к себе собираться – теплоход подходил к Нижнему Новгороду, где должен был состояться самый ответственный для неё концерт. От волнения Ксюша ощущала тяжесть в желудке и за завтраком не смогла съесть ни крошки. Олега она не видела, да и не до него ей было сейчас…

Хористы столпились на палубе и с тревогой наблюдали за свинцовыми тучами, грозившими разродиться ливнем. Все уже привыкли к хорошей погоде в средней полосе России и с удивлением узнали от матросов, что Нижний Новгород входит в пятёрку самых дождливых городов…

До автобуса пришлось бежать, закрывшись курткой. Ксюша села рядом с Юлькой, которая всё ещё многозначительно на неё смотрела.

– А где твоя вторая серёжка? – неожиданно заметила приятельница.

Ксюша схватилась за ухо и стала вспоминать, где она могла её потерять.

– Да какая разница… Недорогая бижутерия, плевать…

– А я догадываюсь, где она может быть, – с усмешкой заметила Юлька.

– Слушай, я у него ночевала просто потому, что в моей каюте стоял ужасный скрежет из-за больших волн. Так уже было в первую ночь, я тебе говорила. А у него кровать пустая в каюте. Между нами ничего не было. Веришь?

Юлька дёрнула плечом, словно отмахиваясь от разговора. Но все мысли Ксении были сейчас о будущем дуэте со Стасовым, и продолжать разговор о ночном происшествии ей и самой не хотелось.

С Дмитрием Алексеевичем они репетировали ещё два раза, и каждый раз ей казалось, что она всё больше и больше превращается в Амалию, которая хочет умолить Ренато о пощаде. Голос Стасова обладал огромной эмоциональной силой, которая действовала на неё гипнотически. Она ощущала себя словно в другой реальности, где люди живут более интересной жизнью: страстно любят, ревнуют, сражаются за любовь, страдают. И этот мир открыл для неё свои двери…

Наверное, из-за плохой погоды в филармонии имени Ростроповича на концерт Михайловского театра набился полный зал. Не было удушающей жары, а потому хористы пели с воодушевлением. Приближался дуэт Стасова и Ксении.

Ксения надела длинное белое платье с глубоким декольте и открытыми руками. Костюмерша соорудила ей высокую причёску, и когда Ксения вышла на сцену, шурша шёлковой тканью, то ощутила себя дамой барочной эпохи. Она посмотрела на Стасова: в противоположность ей он был одет по-современному – в чёрные брюки и такую же рубашку, но никто бы в нём не узнал того артиста, к которому все привыкли – с барскими манерами, по большей части молчаливого и малообщительного…

При первых звуках музыки Стасов превратился в Ренато – его чёрные глаза зло заблестели, обжигая Ксюшу ревностью и гневом, бархатный голос зазвучал словно труба, призывающая все кары Господни на голову несчастной женщины, а руками он так выразительно жестикулировал, что ей хотелось отодвинуться от него подальше, чтобы не оказаться задушенной, как Дездемона… Ксюша прониклась страхом Амалии и слёзно стала умолять о прощении и милосердии:

Умру, но прежде из милости
хотя бы разреши мне
единственного сына
прижать к груди,
и коль отказываешь жене
в этой последней просьбе,
то не отвергай мольбы
моего материнского сердца.

Её пугал какой-то тёмный огонь, горевший в глазах Стасова даже тогда, когда он молча на неё смотрел и слушал… Голос Ксюши зазвенел, словно в нём появились слёзы. Верхние ноты обрели жалобную окраску, ей захотелось упасть на колени и заплакать по-настоящему…

Аплодисменты были оглушительными. Как сквозь туман Ксюша видела букеты цветов, которые ей передавал Стасов, улыбаясь немного снисходительной улыбкой. Но ей было всё равно, что он думает о ней – главное, она всё спела хорошо…

После концерта Ксения чувствовала себя опустошённой – такие сильные эмоции она не испытывала никогда… К ней подбежала Юлька с поздравлениями. Глаза у неё горели от восторга, но у Ксюши хватило сил только слабо улыбнуться и еле слышно поблагодарить.

– Там тебя Стасов ждёт, пошли, – потянула она Ксению за локоть.

Дмитрий уже переоделся в белый льняной костюм и выглядел как обычно, но когда он обернулся, Ксюша на мгновение увидела в его глазах тот самый тёмный огонь, который испугал её во время концерта. Впрочем, он галантно поцеловал ей руку и произнёс:

– Ксения, я потрясён. Давно у меня не было такой искренней и очаровательной Амалии. Надеюсь, наше с вами сотрудничество продолжится? Я могу походатайствовать перед Геннадием Борисовичем, чтобы он вас взял к себе…

В первый момент Ксюша очень обрадовалась, но ей почему-то захотелось спрятаться за Юльку:

– Спасибо, буду счастлива с вами работать. Вот и Юля мечтает о том же.

Юлька выглядела роскошно – длинное тёмно-синее платье с лёгкой шифоновой накидкой на плечах, крупные серьги и яркие губы делали её похожей на артистку в гораздо большей степени, чем Ксению в обычном белом платье. И Стасов не мог этого не заметить. Он снова поощрительно улыбнулся и предложил выпить шампанского за сегодняшний и будущий успех очаровательных девушек.

Организаторы устроили банкет для артистов театра: в просторном холле стояло несколько столиков с многочисленным угощением в виде традиционной русской выпечки. Официанты разносили шампанское, а где-то в дальнем углу играл необычный квартет: баян, свирель, балалайка и огромная бас-балалайка. Музыканты были одеты в русские рубашки и смотрелись очень колоритно. Хористы-басы заинтересовались исполняемым репертуаром и решили помочь. Они уже успели и выпить, и закусить, а потому настроение у них было отличное. Квартет заиграл "Степь да степь кругом", и тут же парочка мужчин из хора стала подпевать в два голоса и при этом ещё и смешно жестикулировать в духе Магомаева.

Ксюша засмеялась – так уморительно всё это смотрелось.

– Почему вы смеётесь? Вам не нравится народная музыка? – поинтересовался Стасов.

– О нет, очень нравится. Только, мне кажется, её надо исполнять не в классической манере, как наши хористы. Уж больно вычурно и неестественно получается.

– А я не люблю народное пение, – заявила Юлька, – голоса такие зажатые, что, когда я их слушаю, у меня тоже голос пропадает. Академическое пение более естественное.

– Зато народное – более искреннее, – твёрдо сказала Ксюша.

– А вы больше всего цените искренность? – задумчиво спросил Стасов, – тогда вам в театре будет тяжело работать. Согласитесь, здесь много надо изображать искусственно.

– Да, но если проникнуться жизнью своего героя, то, покопавшись в душе, можно найти в себе похожие чувства.

– Сегодня вы так эмоционально умоляли меня о пощаде, – усмехнулся Стасов, – в вашей жизни уже было что-нибудь подобное?

Ксения смутилась, в усмешке Стасова она увидела что-то двусмысленное.

– Нет, в такой ситуации я не была, мой муж меня не ревнует, у него и повода-то не было. Да и вообще, он очень спокойный по характеру человек, может, даже слишком… Скорее, свекровь меня была готова убить за то, что я устроилась в театр на работу, – засмеялась Ксения.

– А мне бы даже хотелось, чтобы меня так любил мужчина, чтобы готов был убить из ревности, – заметила Юлька кокетливо.

Стасов выразительно посмотрел на неё, но ничего не сказал. Ксении начал надоедать этот странный разговор, и она поняла, что уже давно ищет глазами Олега. Но того нигде не было.

– Так вы несчастливы с мужем? – вдруг спросил Стасов, делая глоток шампанского и пристально глядя на Ксению.

В первое мгновение она даже не поняла, что он имел в виду, а потом ощутила, как от бесцеремонного вопроса стало тяжело на сердце. Ксюшу всё больше пугал взгляд Стасова. Радость от удачного выступления на концерте омрачалась новым отношением к ней партнёра. Она смутно ощущала, что Стасов вызывает и в ней самой какие-то тёмные страстные чувства. Ксюша уже давно научилась различать знаки внимания мужчин: какое из них дружеское, а какое с нечистыми намерениями. В первом случае она отвечала, а во втором – переставала общаться, чтобы не давать повода для надежды завоевать её сердце. Оттого и коллеги по первому театру называли её "недотрогой". Но сейчас прекратить общение было нельзя… Придётся как-то балансировать…

– Извините, но я не обсуждаю личную жизнь с посторонними людьми, – сухо произнесла она, поставив бокал с шампанским на столик и раздумывая, как бы отвязаться от этой парочки… Она стояла и почти уже не слушала, о чём болтают Стасов и Юлька. Насчёт приятельницы она уже не заблуждалась – та с ней дружила только из-за Стасова, и лицемерные поздравления и восторги казались Ксюше более неискренними, чем любая театральная сцена.

Хористы вовсю веселились. Народный квартет играл песни на заказ, а подпевало им уже полхора. За это оркестрантам перепадало шампанское, и песни звучали всё более залихватски… Но время поджимало, скоро надо было идти на теплоход. Ксюша подошла к окну.

Дождь, к счастью, закончился, и тяжёлая серая туча медленно уходила всё дальше и дальше на северо-запад, ещё глухо ворча, как старая собака за забором. Постепенно открывалось голубое небо, и солнце словно отряхивалось от последних облаков. Ксения порадовалась, что не промокнет… Но где же всё-таки Олег?

Вдруг её кто-то тронул за плечо. Ксюша резко обернулась, думая, что это Стасов…

– Олег? Куда ты потерялся? – выскочил у неё радостный возглас.

Олег загадочно улыбался. На его лице появились обаятельные ямочки, а голубые глаза горели, как у мальчишки.

– Ксюша, хочешь приключений?

– Приключений? Каких?

– Смотри, – Олег сунул ей буклет с нарисованными огромными шарами разных цветов, – хочешь прокатиться на воздушном шаре? Я всю жизнь мечтал, а здесь, оказывается, прекрасный аэростатный клуб. И погода вроде наладилась. Поехали!

– А когда? – наконец вышла из ступора Ксения, – прямо сейчас? Но тогда мы на теплоход опоздаем.

– Я уже всё продумал, – убеждал её Олег, – мы сейчас вернёмся на теплоход, возьмём вещи и предупредим Литвака, что сами доедем до Петербурга. Ему уже всё равно, концертов-то больше не будет. Полёты устраиваются либо рано утром, либо на закате. Полетим сегодня вечером, а потом сразу на поезд до Питера. Согласна?

План был отличный, и Ксюша сразу согласилась, в глубине души радуясь возможности убежать от пугающего её Стасова и от самой себя.

Они собрали вещи и выбежали с теплохода в последнюю минуту, когда матросы уже собирались поднимать трап. Ксюша ощутила себя школьницей, которая сбегала с последнего урока, и это её ужасно смешило. Она видела удивлённые взгляды коллег и порадовалась, что никому ничего не обязана объяснять… Похоже, что Олег чувствовал то же самое.

В аэростатном клубе обрадовались их появлению. За столом сидел молодой мужчина в брюках защитного цвета и чёрной футболке. Выглядел он очень серьёзным, и хотя было видно, что он рад клиентам, озабоченное выражение не сразу сошло с его лица.

– Вы хотите прокатиться? Давайте посмотрим, возможно ли это сегодня? Пойдёмте…

Он встал и взял с полки какой-то предмет и разъяснил:

– Это прибор для измерения ветра, если он в норме, то скоро полетим.

Олег и Ксюша вышли вслед за ним на улицу и приготовились наблюдать, как он это будет делать. Процедура оказалась совсем простой и быстрой: молодой человек поднял руку в одном месте, потом в другом, посмотрел на полученные параметры и благожелательно улыбнулся:

– Всё в порядке… Давайте знакомиться – меня зовут Владимир, я ваш пилот. Сегодня из-за дождя народу будет мало, так что полетите без посторонних. Можете оплатить, и вечером жду вас…

Пока Олег покупал билеты на полёт, Ксюша стояла на улице и думала, что всё происходящее сейчас похоже на сон: только что она в концертном платье пела на прекрасной сцене, рассчитывая вернуться на теплоход и завершить гастроли как все… И вдруг такой поворот… Олег – удивительный друг. Именно друг, которого можно было не опасаться. С ним было легко, легче, чем с Юлькой с её двусмысленными взглядами, недоверием и циничными замечаниями и намёками, которые Ксении уже порядком надоели.

У Олега не было в отношении Ксюши нечистых мыслей – она это точно знала, и от этого с ним можно было отправиться в какое угодно путешествие.

На закате они поехали в поле на двух машинах, где в одной сидели они, а в другой ехала команда помощников, которые по прибытии на место быстро расчехлили оранжево-красный шар, подсоединили плетёную корзину или, как они говорили, гондолу, и зажгли горелку…

Шар незаметно, очень медленно оторвался от земли и стал набирать высоту. Ксюша со страхом ждала, что корзину будет сильно качать. Она схватилась за край корзины и смотрела вниз. Олег крепко сжал её локоть, поддерживая и ободряя:

– Не бойся, всё будет нормально.

Она ощутила мягкое тепло его рук, и на душе у неё воцарилось удивительное мирное состояние. Гондола, вопреки её опасениям, не раскачивалась, а летела очень ровно. Пилот стоял к ним спиной, не суетился и был спокоен, словно они и не летели вовсе…

В небе было тихо, на этой высоте шум города совсем затих, шар летел бесшумно и плавно, лишь иногда включалась горелка. В воздухе ощущалась прохлада, которая появилась после

недавней грозы, и этот сырой воздух напомнил Ксюше Петербург. Справа и слева темнеющие леса своими плотными рядами отбрасывали тени на поля.

Они пролетали над небольшими пролесками, и верхушек деревьев можно было коснуться руками. А над всей этой красотой полей, лесов и речушек сияло солнце, яркое и прекрасное даже на закате. Тучи на горизонте силились поглотить его последние лучи, но оно не поддавалось, посылая на них красные и бордовые отблески.

Олег молча стоял рядом, разговаривать не хотелось. Восторг полёта он выразил словами, негромко прошептав ей на ухо: "Весь мир на ладони, ты счастлив и нем…" Ксения улыбнулась, соглашаясь. Она уже не боялась, а просто стояла рядом, ощущая счастье и одновременно жалость от мысли, что скоро эта сказка закончится. Фотографировать было почти невозможно, да и не нужно. Хотелось просто запомнить каждый миг, каждый порыв ветра, каждую освещённую деревеньку, которая открывалась внизу…

Глядя на землю с высоты птичьего полёта, Ксюша неожиданно подумала, что все тревоги и радости сегодняшнего дня потеряли свою значимость и силу, теперь они выглядели до смешного мелкими. Показалось, что жизнь должна быть совсем другой, не такой зависимой от людей, от удачи, успеха… а от чего – Ксения и сама не знала… Они с Олегом в прямом смысле слова поднялись над суетой, и это успокаивало, словно медитация или молитва.

Они летели около часа. Наконец, шар стал спускаться на поле, где, оказывается, их уже ждала машина. Внизу уже было совсем темно. Олег помог Ксюше вылезти из корзины, крепко сжимая её руку, и это было их последнее прикосновение друг к другу.

Когда они сели в такси и поехали на вокзал, у неё в душе ещё жило ощущение счастья от волшебного полёта, а с другой стороны – она испытывала неловкость оттого, что ей придётся слишком много скрывать от Гриши, и это угнетало. Она понимала, что Олег испытывает сейчас нечто похожее по отношению и к своей семье. Он тоже не сможет рассказать сыну про своё приключение, да ещё и объяснить, почему он летал с незнакомой женщиной, а не с ним и его мамой.

Они оба поскучнели и до вокзала добрались уставшими морально – от тяжёлых мыслей, и физически – от обилия впечатлений. К счастью, поезд ждать было недолго, и вскорости они с наслаждением разместились на своих полках в купейном вагоне и уснули почти как едва знакомые люди.

Глава пятая

Олег открыл дверь. Дома было тихо и, как всегда, ужасно пахло хлоркой – тёща драила квартиру с дурнопахнущими средствами, которые вызывали у него аллергию. Он заглянул в комнату и увидел её сидящей в любимом продавленном кресле, где она вязала никому ненужные шарфы.

– Здравствуйте, Инна Сергеевна, – кивнул он, раздеваясь.

Тёща, полная женщина в безразмерном старом халате, не выглядела обрадованной, но, посмотрев на него поверх очков с большой диоптрией, сухо проронила:

– Здорово. Явился – не запылился… Есть хочешь? – отложив в сторону вязание, спросила она.

– Очень, спасибо, – со вздохом ответил Олег.

Похоже, дома всё та же безрадостная обстановка. Он зашёл в комнату и поразился новой иконе, видимо, которую Татьяна начала писать в его отсутствие. Что-то в ней было не так. Он остановился и стал смотреть внимательней. В правом углу был нарисован образ Божией Матери, а в самом центре крупным планом изображён художник, который, словно древний мастер, отступив от мольберта, любовался своим творением. Олег усмехнулся – художнику надо пририсовать берет и в руки дать кисти с палитрой, тогда будет как в детской книжке про Незнайку… Центром в этой странной иконе был, вероятно, художник…

Он обедал и чувствовал, что Инна Сергеевна что-то хочет ему сказать, но не решается. Выглядела она, как успел заметить Олег, неважно – обычно собранные в пучок седые волосы сегодня были растрёпанными, под глазами синяки, да и общий вид был усталый, словно она не спала всю ночь.

Олег поднял голову и вопросительно посмотрел на неё.

– У вас что-то случилось в моё отсутствие?

Тёща усмехнулась.

– Неприятность случилась, когда вы поженились. А теперь не знаешь, как расхлебать.

– Зачем вы так говорите, Инна Сергеевна? Помню, как вы радовались, когда родился внук. Вы не любите Валентина? То, что Таня изменилась – это не моя вина.

– А чья, Олег? Разве это не ты затащил её в церковь? А теперь она стала фанатичкой! Если я масло на стол в постный день выставлю – посуду бьёт. Это разве не ты виноват?

– Инна Сергеевна, я-то не фанатик. То, что творит Татьяна, не с верой связано, а с её характером, который сложился не в один день. Со своим самодурством она нашла себе местечко, где сразу в рай приглашают, только деньги плати…

– Вот, вот, – испуганно зашептала Инна Сергеевна, – она уже ко мне подходила и почву прощупывала, согласна ли я квартиру продать?

– А вы что? – ошеломлённо спросил Олег.

– Да разве я похожа на ненормальную? Где мы жить-то будем? В секту все вместе запишемся?

Олег про себя порадовался, что в лице тёщи у него появилась единомышленница. Он пил чай и думал, что делать. Возможно ли продолжать семейную жизнь? Кукушка на часах хрипло прокуковала два часа.

– Скоро придёт Валя с прогулки, – сообщила тёща. – Кстати, ты знаешь, что он очень из-за матери переживает, хоть и боится, что она его тоже затащит к этим "странным людям", как он их называет.

– Этого допустить нельзя, – твёрдо сказал Олег. – Не знаю, как мы будем жить дальше, но разводиться я пока не намерен, из-за Вали буду терпеть.

– Хорошо, Олег, – вдруг изменила тон Инна Сергеевна, – ты молодец, не сдаёшься… Слушай, попробуй всё-таки наладить отношения. Знаешь, я как-то тут прочитала, что нужно найти тему… или повод… ну, что-нибудь, где у вас будет согласие. Тогда, может, получится восстановить нормальные отношения. А у вас повод и искать не надо – сын растёт, он внимания требует.

– А где он, кстати? – встрепенулся Олег.

– С приятелями в футбол играет возле школы… Так что ты решил с Татьяной?

– Я попробую, Инна Сергеевна, – пообещал Олег, – ради сына я готов и потерпеть. Вы же знаете, как я его люблю. Да и дочку вашу любил, пока она сама не оттолкнула меня.

– Знаю, Олег, – грустно сказала тёща, – ты молодец. Другой бы уже давно психанул, а ты терпишь. Помни мой совет. Она вроде соскучилась в твоё отстутствие, может, и наладите отношения… Татьяна сегодня в художественной школе работает до четырёх часов, стенды будет оформлять к следующему году.

Олег вышел во двор и, скрываясь от жаркого солнца на теневой стороне улицы, пошёл искать Валентина. Уже издалека он увидел его красную футболку, мелькавшую на футбольном поле.

Валя тоже заметил отца и весело махнул рукой, предлагая подождать его на скамье. Олег с удовольствием уселся в тенёк и стал наблюдать за сыном. Внешне это был абсолютно весёлый ребёнок, но Олег видел, что в душе у него поселился страх. И это был страх перед матерью. Отец для Вали был другом, с которым можно было откровенно поговорить о чём угодно, а вот матери он не понимал. Его карие, в мать, глаза темнели ещё больше, когда он слышал её безумные крики по разным поводам. В таких случаях Валя уходил в свою комнату и садился за стол. А если мать добиралась и до него, то он просто ничего не отвечал, молча глядя перед собой…

Олегу было жалко сына, но он ничем ему не мог помочь.

"Может, ещё обойдётся, вдруг получится вытащить её из этой ямы," – подумал он со вздохом, но в глубине души понимал, что врёт сам себе.

– Папа! Привет! Ты приехал? – подбежал запыхавшийся Валька. – А куда ты сейчас?

– Валюш, я хотел встретить маму с работы, – приобнимая сына, ответил он, – давай купим ей цветы. Я думаю, ей будет приятно.

С сомнением почесав затылок, Валя кивнул. Его походка вдруг утратила живость, а взгляд стал обречённым.

– Выше нос, Валюша, мы прорвёмся, – хотел ободрить сына Олег, но тот посмотрел недоверчиво.

– Куда прорвёмся?

– Да я и сам не знаю, – вздохнул Олег, – но знаю точно, что в десять лет жизнь не заканчивается, не заканчивается она и в тридцать. Если в чём-то не везёт в данный момент, это не значит, что так будет всегда.

– Но иногда долго ждать, – протянул Валя.

– Это так кажется… время бежит… Оглянешься, а уже твои проблемы далеко-далеко позади.

Они купили цветы в ближайшем магазине и пошли к художественной школе, где работала Татьяна. Не ушла ли она уже? Но нет, подождав немного, они увидели, как из двухэтажного современного здания вышла высокая худощавая женщина в длинной тёмной юбке и такой же кофте. На голове у неё был старомодный платок. Олег поморщился в душе: как её старит этот наряд… Но внешне он не показал своего недовольства, а улыбнулся пошире и чмокнул жену в щёку.

– А мы тебя решили встретить, – весело сказал он.

Татьяна по-доброму улыбнулась, как когда-то давно.

– Спасибо за цветы… Привет, футболист, – она потрепала по голове сына. – Куда идём?

– А давайте в кафе, – предложил Олег, – отметим мой приезд, а я вам расскажу много смешных историй из жизни театральных артистов на гастролях по Волге…

Они сидели в уютном кафе, ели мороженое и смеялись, как будто не было в их жизни никакого разлада. Олег на миг поверил, что Татьяна соскучилась и одумалась. Но в её словах часто проскальзывали новые "правильные" мысли, которые ей явно кто-то внушил. Ей всё время хотелось поучать, вставляя псевдорелигиозные присказки. Валя не обращал внимания, делая вид, что больше всего интересуется вкусным мороженым, а Олег злился в душе, но терпел…

Вечером они поужинали как нормальная семья. Тёща посматривала на них с надеждой, и Олегу показалось, что она украдкой, пока мыла посуду, даже сплюнула через левое плечо…

Самой важной для улучшения отношений должна была стать ночь, и Олег продумывал своё поведение. Последние полгода они не жили как муж и жена. И сегодня надо было сделать последнюю попытку ради сохранения семьи.

Когда Татьяна закрыла дверь в спальню и начала раздеваться, собираясь лечь на отдельное кресло, Олег решительно взял её за плечи и начал целовать. Он сдёрнул дурацкий платок с её чёрных густых волос, запустил в них пальцы и не давал жене отдёрнуть лицо. Татьяна пыталась сопротивляться, но Олег чувствовал, что не сильно – соскучилась…

Татьяна уснула, а он приподнялся на локте и стал смотреть на женщину, которую когда-то любил. Вернее, сначала увлёкся, потом быстрое сближение, а после… она сказала, что беременна. Да, именно этот момент был для него самым счастливым. Рождение Вали было для Олега как даром с Небес. Может быть, из благодарности к Богу он и стал воцерковлённым человеком. Татьяна тоже заинтересовалась православной верой, они так здорово пожили на Валааме… А потом неожиданно всё стало со знаком "минус".

Ребёнок теперь ей мешал заниматься живописью. Хорошо, что воспитывать сына помогали тёща и мать Олега. Втайне он считал Татьяну недалёкой, самодурной женщиной, которая делает несчастными всех вокруг. Он уже давно старался реже бывать дома, но каждый раз после долгой отлучки его мучила совесть перед сыном, который грустными глазами встречал его в коридоре.

Олег пытался вразумить, воззвать к материнским чувствам Татьяны, но чем больше он просил, тем больше ненависти читал в её глазах. В конце концов, она перестала с ним ездить на службу в обычный храм, заявив, что будет ходить в другой. Олегу было всё равно, пока он не узнал, что "другой" – это секта, которая людей лишает воли. Как теперь её оттуда вытащить?

Обычно считается, что в секты попадают от недостатка внимания, но у Олега было стойкое ощущение, что Татьяна попалась на другую уловку. Как он успел прочитать в её тетрадке, где она записывала лекции "Учителя", главным качеством их сообщества было превосходство над всем остальным миром: "Будете как боги…", а для этого нужно подчиниться "богоизбранному" самозванному "Учителю". Как её убедить, что она ошибается? Не станет она богом, даже просто счастливой не станет, а скорее всего разрушит семью и свою психику. Олег не знал, что делать. Хватит ли терпения бесконечно уговаривать Татьяну жить нормально? Ведь любви уже давно нет…

Жена словно почувствовала его взгляд и проснулась. На миг Олегу показалось, что у них всё хорошо, как в первые годы – так тепло она улыбнулась. Но вдруг словно тень пробежала по её лицу.

– Я пойду спать к себе, – твёрдо сказала она и решительно перелегла в кресло.

– Какие у тебя планы на завтра? – спросил Олег, втайне надеясь на восстановление отношений.

– Завтра у нас собрание до восьми, – сухо ответила Татьяна.

– Я за тобой зайду, ладно?

Она пожала плечами.

– Как хочешь…

Весь день тёща ходила с вопросом в глазах, но Олег не мог её обнадёжить. Татьяна ушла с утра в художественную школу, а он с тревогой ждал вечера. Как она поведёт себя с ним сегодня? Валя напросился вместе с ним встречать мать, Олег был непротив…

Вечером они подошли к двухэтажному новому зданию, где проходили злополучные собрания "лучших" людей. Ждать пришлось недолго, ровно в восемь часов дверь открылась, и из неё потянулась вереница людей, в основном, женщин, одетых так же как Татьяна – в платочках и чёрных одеждах. Валя нетерпеливо вглядывался в них, но мамы всё не было.

– Папа, уже все вышли, где наша мама?

Олег и сам не понимал, что случилось, что могло её задержать.

– Я пойду посмотрю, а ты здесь погуляй, ладно?

Валя согласно кивнул, и Олег с неприятным чувством зашёл в здание. Повсюду висели плакаты со слащавыми лозунгами: "Ты не одна в этом мире! Здесь ты среди близких людей!", "Слушай своё сердце и не верь никому!", "Учитель – твой друг и твоя семья". От этих пустых слов его затошнило…

Внутри было тихо, только где-то шумела вода, а потом он услышал шмяканье мокрой тряпки. Олег пошёл на звук и, завернув за угол длинного коридора, наткнулся на Татьяну, которая сосредоточенно мыла пол.

– А мы за тобой пришли с Валей, – напомнил Олег, – ждём тебя на улице. Ты скоро?

– Скоро, – почему-то неуверенно ответила Татьяна, оглядываясь на приоткрытую дверь в какой-то кабинет, – правда, учитель просил меня задержаться… Я не знаю, зачем.

– Ты домыла полы? – резко спросил Олег.

– Да, но…

– Тогда пошли…

– Сестра Татьяна, – громким голосом кто-то позвал её из кабинета.

Жена испуганно посмотрела на Олега и дёрнулась на зов. Она несмело зашла внутрь и прикрыла дверь, но Олегу всё было слышно.

– Учитель, можно я пойду? Я закончила, за мной муж и сын пришли..

– Я смотрю, сегодня ты была не такая, как обычно… Муж, оказывается, вернулся… Ну, выбирай, с кем ты будешь – с ним или со мной.

Олегу надоело это слушать, и он решительно открыл дверь.

– Простите, а почему она должна выбрать вас? Вы хотите на ней жениться?

Наконец-то он увидел "гуру", которому поклонялась Татьяна. За столом сидел худощавый мужчина лет сорока с каштановыми прямыми волосами до плеч. Одежда его была безукоризненной – серый дорогой костюм выгодно отличал "учителя" от Олега, одетого в простую светлую футболку. Маленькая аккуратная бородка, чистая белая кожа и высокий лоб придавали сектанту вид учёного мужа. В руках он держал большие нефритовые чётки и медленно перебирал ими. Образ был бы совершенен, если бы не водянистые серые глаза, которые со злобным прищуром смотрели на Олега.

– Выйдите отсюда, вы не имеете права здесь находиться! – привстал с места "гуру", но не вышел из-за стола, видимо, опасаясь гнева законного мужа.

– Я выйду, но только вместе со своей женой. А на вас я подам заявление в прокуратуру, чтобы она проверила вашу организацию на предмет мошенничества, – резко сказал Олег.

– Олег, успокойся, – испуганно прошептала Татьяна, как-то странно сгорбившись и словно втягивая голову в плечи. Она сделала движение идти с ним, и Олег направился к выходу, как услышал вслед:

– Татьяна, одумайся… Неужели ты выберешь *этого*? Тогда можешь больше не появляться, – с презрением в голосе сказал сектант.

Шаги Татьяны замерли, и Олег обернулся: перед ним стояла чужая женщина – из-под низко надвинутого платка на него с осуждением смотрели строгие глаза. Упрямо сжатые губы не сулили ничего хорошего.

– Иди без меня, Олег, я свободная самостоятельная женщина, приду, когда посчитаю нужным, – скрипучим голосом проговорила Татьяна.

– Таня, какая ты свободная? – взъярился Олег, – ты замужняя женщина и мать! Тебя сын на улице ждёт, ты нужна ему и мне! – Он подскочил к жене и встряхнул её за плечи, безумно надеясь, что это поможет ей очнуться. Но она отбросила его руки и ещё больше рассердилась.

– Уходи отсюда! Я давно решила подать на развод, потому что ты мне мешаешь!

Самозванный "учитель" гадко усмехался, глядя на попытки мужа вразумить жену. Олегу стало противно. На улице ждал Валя, надо было идти к сыну, а здесь уже он ничего не мог сделать.

Глава шестая

Ресторан был совсем небольшой, но, как поняла Ксения, престижный: мягкие кресла, массивные столы из тёмного дерева и приглушённый свет. Здесь сегодня свекровь праздновала свой юбилей. Ксюша с мужем пришли раньше всех. Маргарита Львовна выглядела роскошно: тёмный костюм с блестящей отделкой – элегантный и дорогой. Уши, пальцы, шея – всё было унизано драгоценностями – чиновница высокого ранга не может выглядеть как простая смертная.

Гриша подарил матери роскошный букет белых роз. В ответ свекровь его крепко обняла – чувствовалось – она гордится таким видным красивым сыном. А Ксюша была удостоена милостивой улыбки, словно и не было совсем недавно между ними размолвки. Хотя Ксении было уже всё равно, как к ней относится Маргарита Львовна. Её больше заботили отношения с мужем.

После возвращения с гастролей её мучило подозрение, что либо у Гриши кто-то есть, либо он также охладел к ней, как и она к нему. Он дружелюбно поцеловал её при встрече, но так мог поцеловать и брат, и просто друг. Может, она его не интересует как женщина? В первую ночь после её долгого отсутствия Гриша проявил к ней интерес, но Ксюша подозревала, что он просто выполняет супружеские обязанности… Впервые ей показалось, что они занимались чем-то неприличным, так мало любви было в их объятиях…

Гриша отвлёкся от матери, заведя разговор с какой-то девицей, а Ксюша смотрела на плечи мужа, широкие, жёсткие, крепко спаянные с затылком, коротко подстриженным по уставу, и думала – как же так получилось, что без видимых причин у них улетучилась любовь? А была ли она, – она уже сомневалась…

Гости пришли без опозданий – Маргарита Львовна занимала важный пост в городской администрации, а с чиновниками такого уровня любят дружить и бизнесмены, и артисты, и чиновники ранга пониже. Рядом с Ксюшей расположился какой-то тип, невыносимо сильно надушенный. Она уже подумывала, как бы пересесть, как свекровь вдруг решила их познакомить…

– Юсуф Каримович, что же вы ничего не едите? Ксюшенька, поухаживай за гостем, – медовым голосом обратилась к ней свекровь, – никто не должен скучать на моём празднике…

Ксюша натянуто улыбнулась и посмотрела на соседа. Это был мужчина в дорогом костюме стального цвета, с ярко выраженной восточной внешностью. Он ответил ей на улыбку и сам взялся за ней ухаживать.

– Позвольте, я вам налью вина, – и не дожидаясь её согласия, налил бордового напитка в бокал, – а вы, я слышал, артистка Михайловского театра, так?

– Так, – настороженно ответила Ксения, – а что вы ещё обо мне слышали?

– О, не волнуйтесь, – засмеялся сосед, – ваша свекровь просто обмолвилась, что у неё невестка – солистка Михайловского театра.

– Ну, солистка, это громко сказано, – пробормотала Ксюша, наблюдая, как Гриша оживлённо болтает с неизвестной девицей, сидящей по другую руку от него.

– Вам нравится в театре? Я слышал, вы недавно приехали из Сибири, где служил сын Маргариты Львовны.

– Пока нравится… А почему вы так интересуетесь?

– У меня в вашем театре хорошие друзья, один из них солист – мы вместе росли в Ташкенте, другой – бывший коллега по бизнесу, а сейчас администратор. Поэтому я частый гость на ваших спектаклях. Прекрасный театр, – восхищённо щёлкнул он языком.

Их разговор прервался очередным тостом в честь именинницы. Важные гости, а других на этом празднике не было, говорили обычные формальные слова, дарили подарки. Свекровь выглядела счастливой и всё время посматривала на сына.

"Всё-таки она очень любит Гришу, – с какой-то жалостью подумала Ксюша, – и мечтает от него получить внука, а у нас всё наперекосяк… мы с Гришей никогда так мало не любили друг друга, как сейчас."

– О чём вы задумались, Ксения? – блестя глазами от вина, поинтересовался Юсуф Каримович, – о чём-то грустном или наоборот?

– Думаю, а кто же из солистов вам знаком? – нашлась Ксюша, и тут же поняла, какой услышит ответ…

– Стасов Дима… Знаете такого? Мы вместе учились в Ташкенте. Очень талантливый парень. Его в училище просто на руках носили. Отец у него русский, как вы понимаете, а на лицо Дима чистый узбек, материнская кровь победила. Нас даже путали, иногда принимая за братьев.

Ксюша вгляделась в лицо нового знакомого и поразилась, как она сразу не увидела сходства.

– Действительно, вы очень похожи, – пробормотала Ксюша.

– А вы с ним знакомы?

– Да, мы даже выступали вместе на гастролях.

– О, я рад за вас, держитесь Димы, он вас за собой вытянет на самый высокий уровень.

Почему-то Ксению это оскорбило.

– Помощь – это, конечно, хорошо, но каждый должен и сам стараться, вам не кажется?

Громкая музыка ворвалась в их разговор, и Ксюше показалось, что на этом их беседа закончится. Некоторые гости потянулись на улицу – подышать вечерним прохладным воздухом, и она последовала их примеру. Но её собеседник решил продолжить разговор и вышел за ней.

– Вы не против? – показал он сигарету. Ксения неопределённо кивнула – не может же она запретить… – А вот насчёт того, что каждый сам за себя – здесь я с вами категорически не согласен. Вот мы – неместные люди, а потому держимся друг за друга и помогаем при случае. И в этом нет ничего плохого. А вы, русские, недооцениваете дружбу… Да… А между тем такая дружба приносит и немалый доход, – пробормотал он про себя.

Юсуф Каримович затянулся с наслаждением, а Ксюша подставила лицо ласковому ветру и молчала – спорить не хотелось… Её взгляд искал Гришу. Наконец она его нашла – он выходил из ресторана с той же самой черноволосой девицей и, увидев, что Ксения на него смотрит, отвёл глаза. Если бы ей сейчас сообщили, что Гриша бросает её, то она и не удивилась бы…

– Ксения, вы меня слышите? – как будто издалека раздался голос навязчивого собеседника. Она обернулась.

– Да, простите, я задумалась.

– Я говорю, если вам понадобится моя помощь… ну, мало ли что… Обращайтесь в любое время.

Его двусмысленная улыбка Ксюше не понравилась. Она машинально взяла визитку, где было написано, что Юсуф Каримович Тенгизеев – адвокат, работающий при правительстве Санкт-Петербурга… И хотя Ксения вежливо улыбалась, она точно знала, что уж к нему за помощью никогда не обратится.

В Петербурге закончились белые ночи, но даже в восемь часов ещё было очень светло. Ксения подумала, как бы половчее сбежать с банкета – сегодня у неё была важная встреча с вокалистом, к которому она давно хотела попасть. Юрий Павлович – пожилой артист Мариинского театра наконец дал согласие с ней заниматься. Этот удивительный преподаватель обладал редким даром – раскрывать в любом, даже не самом талантливом, человеке все возможности

его голоса, которые он, может быть, и не подозревал в себе. И сегодня в девять вечера вокалист назначил ей прослушивание.

– Гриша, можно тебя на минутку? – позвала она мужа, всё ещё увлечённого беседой с длинноногой брюнеткой.

Гриша оглянулся, и на его лице Ксения увидела досаду. Впрочем, он быстро подавил её и улыбнулся.

– Чего ты хотела? Ревнуешь? – спросил он с усмешкой, когда они отошли в сторонку.

Выглядел он отлично, и, видимо, об этом знал, поэтому заважничал. Ксюше показалось это ребячеством.

– Конечно, ревную… Слушай, мне надо уйти с банкета пораньше.

Гриша удивлённо на неё уставился.

– То есть как "пораньше"? Мама обидится, ты понимаешь это?

– У нас с твоей мамой весьма прохладные отношения, и сейчас её больше устроит, как я поняла, если ты обратишь внимание на эту брюнетку.

– Не говори ерунды, – разозлился Гриша, – ты моя жена, а это просто знакомая. Что я тут буду здесь делать без тебя? Тебе не кажется, что это неприлично во всех смыслах, если ты уйдёшь? Мама расстроится, да и перед гостями неудобно.

Глаза мужа глядели холодно, как у преподавателя, отчитывающего нерадивого ученика за плохое поведение.

У Ксении сжалось сердце: если бы он хоть намекнул, что будет скучать без неё, что ему никто не нужен, – она бы осталась, перенесла бы урок, а он говорит только о том, как это будет выглядеть в глазах мамы и гостей. И, как это часто бывало в её жизни, чем крепче на неё наседали, тем больше росла решимость сделать по-своему. Она застыла в лёгком оцепенении, а Гриша понял её молчание как согласие. Он взял Ксюшу под руку и попытался увлечь в помещение ресторана, но она мягко отстранилась.

– Извини, но я не могу отменить сегодняшнюю встречу с вокалистом. Я так долго добивалась этого.

Только что ей казалось, что лицо мужа было красивым, как тень, набежавшая на него из-за раздражения, всё исказила. Правильные черты лица теперь напоминали Ксюше статую Командора:

– Я смотрю, твои гастроли не прошли для нашей семьи даром…

– Что ты имеешь в виду? – ошеломлённо спросила Ксения.

– А то, о чём предупреждала меня мать, – всем известны нравы артистов, – жёстко произнёс он приговор.

Кровь запульсировала у неё в ушах. Муж ещё что-то говорил обидное, но Ксения ничего не слышала… Значит, ей не показалось – отношения стали хуже некуда.

Из ресторана доносилась музыка, гости потянулись внутрь помещения. Раздражённо отбросив её руку, ушёл и Гриша. Она оглянулась и поняла, что осталась одна. Мимо неё шли пешеходы, весёлые компании, влюблённые парочки, а она стояла словно потерянная. Наконец, очнувшись от раздумий, Ксюша побежала к метро – может, они ещё и помирятся, а опаздывать к Юрию Павловичу нельзя.

В квартире старого артиста было необычно – все стены были завешаны фотографиями, где он был представлен в разных сценических образах: Онегин, князь Игорь, Грязной… В центре небольшой комнаты стоял чёрный рояль, горделиво занимая всё пространство. Одинокий артист и на пенсии, вероятно, ничем не интересовалася, кроме музыки, а потому домашний уют ему был неважен.

Юрий Павлович – приятный старичок лет семидесяти, с аккуратной седой бородкой, одетый в старомодную кофту, приветливо встретил Ксюшу и галантно помог ей снять плащ, но при этом не разрешил разуться.

– За большую жизнь, милочка, я ни разу не видел певицу, поющую свою партию босиком. Это позволительно только двум персонажам – Татьяне Лариной и Кармен.

Ксюша улыбнулась и сразу почувствовала расположение к симпатичному старичку.

– Посидите минут пятнадцать, Ксюшенька, у меня ещё предыдущий урок не закончился.

Она кивнула и села на диван, приготовившись слушать полноватого тенора, который уже нетерпеливо переминался с ноги на ногу, как лошадь перед скачками. Он запел, и Ксения сразу услышала, что партия Ленского даётся ему с большим трудом.

– Нет, молодой человек, не надо кричать и выть в смертной тоске, хоть это и драматическая ария. Больше лирики, старайтесь не форсировать, иначе появится ужасное вибрато. Вы хотите распугать своим голосом всех зрителей?

Тенор глупо выпучил глаза и покачал головой.

– Нет, не хочу. Но я слушал Паваротти, он так и поёт.

– Николай, ваш голос совершенно другого типа. Слушайте лучше Лемешева, учитесь напевности у него. Его Ленский пусть и будет для вас примером. Тогда и петь научитесь, и голос сохраните. Поняли меня?

Певец нахмурился и кивнул соглашаясь.

– Давайте ещё раз… Ровнее, ровнее…

В конце урока получилось так хорошо, что остались довольны и учитель, и ученик. Ксюше тоже понравилось, и она лишний раз порадовалась, что попала к отличному педагогу.

– Ну-с, а теперь ваша очередь, милочка.

Юрий Павлович сел за инструмент и положил длинные пальцы на клавиши… Урок начался. Каждый удачный пассаж вызывал у него улыбку, а если что-то не получалось – он останавливался и терпеливо объяснял ошибку. Ксюше скоро почудилось, что с ней занимается не чужой, едва знакомый человек, а отец или дедушка…

Она терпеливо выслушивала замечания и старалась изо всех сил. В театре готовилась постановка "Евгения Онегина", и Ксения попросила поучить с ней арию Татьяны. Юрий Павлович не говорил ничего необычного, просто обращал внимание на те мелочи, раньше казавшиеся ей незначительными, однако, при правильном к ним отношении, они меняли качество пения.

После первого исполнения арии в сцене письма Юрий Павлович задумался.

– Понимаете ли вы, что значит Татьяна Ларина для русского человека? – задал он неожиданный вопрос.

Ксюша растерялась. Понимает ли она Татьяну? Да кто же её не понимает? Но Юрию Павловичу не требовался ответ.

– Татьяна – это идеал женщины. В ней сочетается и любовь, и верность. Удивительная цельность души… Чайковский изменил пушкинскую героиню, исключив намёки, как у Пушкина, что она разочаровалась в своём избраннике. Поймите, в последней картине её любовь к Онегину не в прошлом, как в поэме, а в настоящем. Но она, словно монахиня, остаётся целомудренной. Поэтому вам надо постараться исполнять эту роль не плотью, а душой или даже духом…

– Значит, я должна быть внутренне похожа на неё, – засомневалась Ксения, – но что если я не такая?..

– А вы постарайтесь, постарайтесь, проникнуться духом героини, чтобы в вашем голосе звучали подобные чистые чувства, как задумывал Чайковский. Никакие певческие уловки не смогут заменить искренность исполнения, которую, поверьте мне, сразу поймут и оценят зрители, – горячо закончил Юрий Павлович.

Заворожённо слушая пожилого артиста, Ксения чувствовала, что перед ней раскрывается новый уровень исполнения, о котором она раньше и не помышляла.

Глава седьмая

Ярко освещённая сцена выглядела необычно. Всё было не так, как привыкла Ксения, из-за этого она чувствовала себя неуютно. Модный режиссёр в трактовке "Евгения Онегина" отрицал и Пушкина, и Чайковского. Не было огромных белых кулис с автографами поэта, которые издалека напоминали русские берёзки, не было классической беседки, где няня вспоминала свою молодость, не было чистеньких крестьян, весело поющих песни.

Вместо этого на одном конце сцены стоял барский дом с наглухо закрытой дверью, а на другом агрессивная толпа взбунтовавшихся мужиков и баб наряжала в огородное пугало Ксению, которая абсолютно искренне изображала испуганную Татьяну Ларину.

Такова и была задумка модного режиссёра Плюшева Алексея Васильевича. Он хотел угодить дирекции театра, славившегося скандальными постановками ещё в советские времена. Но вместо того чтобы искать более глубокий смысл, Плюшев в каждой сцене просто усиливал нелепость и добивался только одного – эпатажа.

– Активнее, активнее дёргайте дверь! А вы держите, не пускайте их и пойте свою арию! – кричал Плюшев – молодой, уверенный в себе человек с растрёпанной причёской белокурых волос.

Мать и кормилица испуганно пели свои партии в доме, закрыв поплотнее дверь, из-за чего голоса их были еле слышны. И неудивительно, что они спрятались – подвыпившие крестьяне поистине со зверскими лицами ломились в барскую усадьбу.

– А вы, девушка, да-да, высокая, – будете заводилой… Берите подружек и водите хоровод…

Юлька собралась взять за руки подруг, но Плюшев усложнил задание:

– Учтите, вы до этого месяц пили водку, а теперь надо развлекать барыню… Сделайте соответствующее выражение лица… Как какое? У вас болит голова, похмелье. Не знаете?

– Я не страдала похмельем, поэтому не знаю, – отрезала Юлька под хохот мужчин, – может, вы покажете, как это изобразить?

Режиссёр ловко запрыгнул на сцену, скорчил страдальческую гримасу и пошёл в воображаемом хороводе.

– Так понятно?

– Понятно, только не очень хочется выглядеть пугалом, – проворчала Юля.

– Ничего, потерпите, сегодня роль настоящего пугала исполняет Татьяна, – с этими словами Плюшев подмигнул покрасневшей Ксении.

Роль, которую получила Ксения, ничего, кроме раздражения, не вызывала. Она ощущала себя бесправной рабой сцены, которая не могла ничего изменить.

Вчерашний урок у Юрия Павловича оставил в её душе глубокий след. Но как можно было изображать наивную чистую девушку, если тебя одели в костюм огородного пугала? И всё-таки Ксюша постаралась. Она отрешилась от внешнего мира и попыталась подумать о словах Татьяны:

Как я люблю под звуки песен этих
Мечтами уноситься иногда куда-то,
Куда-то далеко…

"Никогда эти слова не были актуальны так, как сегодня", – подумала она и чуть не рассмеялась.

Еще смешнее получилось, когда Ольга воскликнула, глядя на Ксению:

Мамаша, посмотрите-ка на Таню!

Пока Ларина вглядывалась в дочь и отмечала:

А что? И впрямь, мой друг,
Бледна ты очень…

Ксения набрала побольше воздуха, чтобы спеть, не давясь от смеха:

Я всегда такая, не тревожьтесь, мама!

В этот момент за кулисами послышался откровенный хохот хористов, во все глаза следивших за Ксенией в нелепом наряде. Дирижёр гневно застучал палочкой и остановил оркестр. Плюшев недоумённо вертел головой, не видя ничего смешного в своей модерновой постановке.

Сцену письма именитый режиссёр перенёс из спальни на берег реки, но Ксении было уже всё равно, главное – можно было спеть так, как учил её вчера Юрий Павлович. Она должна была изобразить смятение, и это ей было близко, так как в душе Ксюши тоже всё перепуталось: и желание сделать карьеру, и чувство одиночества, и тоска по большой любви. Она пела, ощущая настоятельную потребность поделиться своими переживаниями со зрителями:

Пускай погибну я, но прежде
я в ослепительной надежде
блаженство темное зову,
я негу жизни узнаю!..

…Кончаю, страшно перечесть
Стыдом и страхом замираю,
Но мне порукой ваша честь.
И смело ей себя вверяю!

После исполненной Ксенией последней ноты почему-то наступила тишина. Плюшев сидел, задумчиво подперев голову рукой, а все остальные ждали приговора.

"Что-то не так… Я что-то спела не так, "– застучало в голове у Ксюши.

– Превосходно! – наконец крикнул режиссёр, – оставим, как есть. Удачное решение встать в конце сцены на колени, Ксения Александровна.

У Ксении отлегло от сердца.

После первой части репетиции все потянулись в буфет. Ксюша не проголодалась, но хотела увидеться с Олегом. Пока она переодевалась, все уже ушли. Ксения задумалась о своей роли и не заметила, как свернула в незнакомый коридор, где свет был очень тусклый. Она поняла, что заблудилась и уже решила вернуться, как открылась дверь, и в коридор вышел Стасов. Здесь, оказывается, была его гримёрная.

– Ксения, вы ко мне? – удивлённо спросил он.

– О нет, Дмитрий Алексеевич, я, похоже, заблудилась.

Краска залила ей щёки, и она радовалась тому, что здесь было мало света.

– Вы в буфет? Пойдёмте вместе, я покажу вам другую дорогу.

Они пошли по лабиринтам коридоров, и Ксении показалось, что Стасов выбрал самый длинный путь.

– Вы превосходно спели сцену письма, я просто потрясён, – доброжелательно начал Дмитрий. – Вы занимались с вокалистом?

– Да, спасибо, я рада, что это заметно. Юрий Павлович очень хороший педагог.

– Такой старенький, с бородкой?

– Да, вы его знаете?

– Знаю… Ксения, прошу вас: давайте перейдём на "ты". Зачем нам такие формальности? Неужели мы не можем быть друзьями?

Стасов остановился перед большим освещённым холлом, словно не желая выходить на свет. Лицо его осталось в тени, и его чёрных глаз было почти не видно.

– Мы уже с вами обсуждали этот вопрос, – тихо ответила Ксения, – вы можете называть меня, как вам удобно, а я пока не могу, извините.

– Меня радует слово "пока"… Надеюсь, со временем мы всё-таки станем друзьями.

Ксюша не ответила и с радостью заметила Олега, призывно машущего ей рукой.

– Извините, меня зовут.

Она убежала и не видела, что к Стасову с другой стороны холла решительно направлялась Юлька.

Стасов не мог оторвать взгляд от убегающей Ксении. Он ощущал в ней и темперамент, и глубину чувств, и богатые внутренние силы. От музыки она мгновенно преображалась – в ней загорался огонь, и это приводило Стасова в восторг, а она совершенно не отдавала себе отчёта в своей власти над ним. Он сам не понимал, к чему приведёт его увлечение этой девушкой, была ясна только цель – добиться её любви во что бы то ни стало, и это придавало смысл его жизни, ставшей в последнее время мучительной в своём однообразии и цинизме.

– Дмитрий Алексеевич, можно вас на минутку? – услышал он, очнувшись от мыслей, и посмотрел на другую женщину, явно искавшую его внимания.

Подошедшая Юля была эффектной высокой, жгучей брюнеткой. Вполне могла бы сойти за его сестру – узбечку, если бы не такая белая кожа. Она казалась очень красивой, но Дмитрию была милее её подруга с простым, искренним характером, без жеманства и любования собой, какой была и девушка Аня из его детства…

– Что вы хотели? – сухо спросил он.

– Дмитрий Алексеевич, я тоже хочу быть солисткой, я уже вам говорила, – просительным тоном заговорила Юля, – возьмите меня под своё покровительство.

Она подошла совсем близко и вступила в тень, где продолжал стоять Стасов.

– Я не решаю, кому быть солистом, – наконец, ответил он, недовольно глядя на девушку.

– Ах, кто же не знает, какой вес имеет ваше слово перед директором театра и дирижёром. Кто не мечтает попасть к концертмейстеру Плетнёву? Ну почему одним всё, а другим ничего?

– Если вы имеете в виду Пономарёву, то она не по моей протекции стала солисткой – её взяла Образцова.

– Бросьте вы, – вдруг развязно произнесла Юлька, – если бы не Плетнёв, никто бы ей не дал ни одной роли.

– Вот как? А вы уверены, что вам дадут? – усмехнулся Стасов, – кроме того, мало, чтобы вам дали роль, её надо хорошо исполнить. Мне понравилась сегодня Ксения. Сцена письма была спета превосходно.

– И всё-таки мне кажется, что вы к ней неравнодушны, поэтому и хвалите.

– Вы не забываетесь в своих предположениях?

Юлька подошла к нему ещё ближе и жарко зашептала:

– Да кто же не видит, что она вам нравится? Может, только эта наивная дурочка и верит, что роли ей падают за дивное пение. А вы тоже наивный человек, господин Стасов, не замечаете очевидного…

– И чего же я не замечаю?

– А то, что она влюблена в другого, и у вас нет никаких шансов ей понравиться.

– Почему вы так решили? – резко спросил он, схватив Юльку за руку.

– Смотрите, что я нашла в каюте Олега, флейтиста, – она показала Ксюшину серьгу, – узнаёте?

– Нет, не узнаю, это чья?

– Да Ксении же… Как вы, мужчины, невнимательны! На теплоходе я лично видела, как она выходила утром из его каюты, а потом зашла и обнаружила её серёжку на кровати. Видите, как всё прозаично, и не надо никаких ухаживаний, она уже давно сделала свой выбор.

В глазах Стасова стало темно. Он и сам не ожидал, что так отреагирует. В следующий момент он понял, что сжимает горло девушки, а та испуганно смотрит на его разъярённое лицо.

– Все вы бабы… – Стасов грязно выругался, – что тебе надо от меня? Роль примадонны?

– Дмитрий Алексеевич, – промурлыкала Юлька, отрывая руку Дмитрия от своего горла и ласково обнимая его за шею, – да мне не роль нужна, а вы…

В буфете было многолюдно, и Ксения поняла, что поговорить с Олегом не получится. Она видела, что он был рад встрече с ней, но вид у него был озабоченный. В его руках были исписанные нотные листы – их камерный ансамбль снова собирался выступать в одном из музеев Петербурга.

Рядом с Олегом сидели Лёва и Вадим, рассматривая ноты и что-то бурно обсуждая. Ксении они улыбнулись, как старой знакомой, но чувствовалось, что новая партитура интересует их больше.

Олег ей иногда напоминал мальчишку, хоть он и был старше её. В его облике было что-то хулиганское и бесшабашное. Она вспоминала его горящие глаза, когда они летели на шаре, и понимала, что в его душе живёт жажда жизни, жажда новых знаний, новых впечатлений. И, судя по его увлечённым друзьям, ему удавалось заинтересовать и их, уже много повидавших на своём веку, но не остывших душой.

Ксения не стала влезать в разговор, она взяла кофе и просто наслаждалась дружеским теплом, которым веяло от этой компании. Пожалуй, ни с кем ей не было так спокойно, как с этими ребятами – отличными музыкантами, которые всегда были полны творческих планов.

Перерыв закончился, и Ксения, договорившись, что Олег подождёт её после репетиции, пошла в гримёрку готовиться к следующей сцене.

Удивительно было то, что в сцене объяснения Татьяны и Онегина не было вокруг крепостных крестьян в виде диких зверей. Девушки отпели милую песню "Девицы, красавицы, душеньки, подруженьки", собрали все ягоды со сцены и ушли, оставив Татьяну одну. Ксения без всяких помех проникласъ волнительным чувством, которое должна испытывать героиня после откровенного письма к своему возлюбленному. И когда рядом появился Стасов, неподдельный страх сжал её сердце.

Вы мне писали, не отпирайтесь.
Я прочёл души доверчивой признанья…

Но вас хвалить я не хочу;
Я за неё вам отплачу…

Странно, что строгая холодность, которую ждала Ксения, превратилась в жёсткую отповедь. Она не понимала – это так и задумано или лично Ксения в чём-то провинилась? Но ведь Стасов только что говорил ей, что она пела прекрасно.

Учитесь властвовать собой;
Не всякий вас, как я, поймёт.
К беде неопытность ведёт…

Голос его был злым, а взгляд тёмным. Ксения с удивлением осознала, что Дмитрий вовсе не был сейчас Онегиным. Может быть, в самом начале сцены он ещё пытался соответствовать своей роли, но чем дальше шло действие, тем больше ей казалось, что слова он говорит одни, а смысл вкладывает совсем другой. В его интонации звучала не холодная отповедь Петербургского щёголя, а обвинение ревнивого мужа.

"Онегин" взял её за руку и больно сдавил. Она чуть не вскрикнула… Здравый смысл ей твердил, что Стасов не имеет над ней никакой власти, и всё это происходит не по-настоящему, а только лишь на сцене. И когда погаснут огни рампы, власть его голоса и взгляда закончится. Но сердце не слушало трезвые рассуждения и испуганно билось под тяжестью мрачного взгляда партнёра. Она ощущала, что должна бороться, но не находила сил, едва осознавая, что делает. Разум подсказывал позаботиться о том, чтобы выражение её лица не выдавало внутреннюю борьбу, но силы её были на исходе, и тогда Ксения просто отвернулась от Стасова.

– Стоп, стоп! – крикнул Плюшев, – отлично придумали, господин Онегин, – возьмите Ларину не под руку, а за руку, да-да, вот так, а теперь сожмите её хорошенько, а лучше потащите за собой.

– Но мне же больно, – пожаловалась Ксюша.

– Ну-у, потерпите немного ради искусства, – удивлённо протянул Плюшев, искренно не понимая, отчего капризничает солистка.

Стасов словно и не выходил из роли. Он с каким-то садистским удовольствием схватил её за руку и зло потянул за собой.

Нет, с ним творилось что-то ненормальное – они только что общались почти как друзья, а сейчас он выглядит словно дракон, из пасти которого вместо звуков вырывается пламя.

– Дмитрий Алексеевич, вы уже можете меня отпустить, – строго сказала Ксения за кулисами, чувствуя, что Стасов всё ещё крепко держит её за руку. – И я не понимаю, зачем так хватать меня, будто мы висим над пропастью. Может, вам плохо? Сходите к врачу.

Стасов отпустил её руку, но продолжал стоять рядом и молчать, глядя на неё злым взглядом. Ксения потирала запястье.

– Ой, даже синяк образовался… Что я теперь мужу скажу, кто меня за руки хватал. Боюсь, он не поверит, что так задумано режиссёром, – размышляла она вслух, решив игнорировать непонятную задумчивость Стасова, который стал уже не только пугать, но и раздражать.

– Вашему мужу про вас предстоит ещё много интересного узнать, – наконец, тихо сказал Стасов.

Брови Ксении поползли вверх.

– Что вы имеете в виду? У меня от мужа нет никаких тайн.

Тень сомнения промелькнула на лице Дмитрия, но высказаться он не успел – за кулисы вбежала Юлька.

– Вот вы где! А я вас ищу. Дмитрий Алексеевич, подвезёте меня, как обещали?

Стасов медленно перевёл взгляд на Юлю и кивнул.

– Пойдёмте…

Он резко повернулся и ушёл, не попрощавшись. Ксения с удивлением наблюдала, какой радостной походкой за ним засеменила приятельница. "У них, похоже, роман. Вот удача, – глядишь, перестанет ко мне со своей дружбой приставать," – с облегчением подумала она.

Глава восьмая

Ксюшу разбудила хлопнувшая входная дверь – Гриша ушёл на дежурство и придёт, по обыкновению, только поздно вечером. Можно поваляться и почитать в своё удовольствие.

После завтрака она занялась уборкой, и первое, что надо было сделать – вынести мусор. Открыв дверь на лестницу, Ксения увидела соседку по площадке, которая стояла рядом со старшей дочкой и протягивала ей в руки переноску, где жалобно мяукал маленький чёрный котёнок. Девочка не хотела брать сумку и громко плакала.

– Мы не можем его оставить себе, я тебе уже объясняла – у меня аллергия.

– Мамочка, ну пожалуйста, я очень хочу, мама… – всхлипывала девочка.

– Здравствуйте. Что случилось? – спросила Ксюша.

– Здравствуйте, извините, если вас разбудили. Моя красавица вчера взяла котёнка, якобы на передержку всего на один вечер, а сегодня отказывается нести назад, – говорит, что он никому не нужен. А мы тоже не можем его взять – у меня аллергия.

– Простите, а как вас зовут? Всё время хотела познакомиться, да не решалась.

Соседка улыбнулась. При улыбке щёки у неё округлялись, придавая лицу мягкое и доброе выражение. Ксюше она всегда нравилась, чем-то напоминая воспитательницу из детского сада, которую она любила.

– Меня Любой зовут, а вас?

– А меня Ксенией. Может, вы зайдёте вместе с вашим зверем ко мне? Мы что-нибудь придумаем, – предложила Ксения.

Катя, дочка соседки, не дожидаясь маминого решения, шмыгнула в открытую дверь Ксюшиной квартиры, а Люба вздохнула и последовала за ней.

– Хорошо, пойдёмте, Миша пока спит.

Девочка выпустила котёнка из переноски, и тот испуганно осматривался. Люба и Ксюша уселись на диван и наблюдали за ним.

– Что же мы можем придумать, Ксюша?

– Давайте я возьму вашего котёнка, а Катя может в любое время приходить ко мне и играть с ним, – предложила она.

– Вот спасибо, – заулыбалась соседка. – Я бы и себе оставила, да нам и так болячек хватает, – снова вздохнула она.

– А можно мне на пианино поиграть? – спросила девочка.

– Конечно, только негромко, а то ещё рановато, – разрешила Ксения, – ваша дочка учится музыке?

– Нет, но мечтает, да пока возможности нет. Мишу столько по врачам таскаю, что уже никаких сил нет Катю водить в музыкальную школу.

– А чем младший болеет? – поинтересовалась Ксюша.

– ДЦП. С ним надо заниматься – врачи говорят, если не опускать руки – можно минимизировать последствия.

– А почему вы всё время одна? Где ваш муж? – задала вопрос Ксения, который мучил её каждый раз, когда она видела соседку с тяжёлыми сумками в руках.

– Муж нас бросил, когда узнал, что второй ребёнок родился больным, – спокойно ответила Люба. – Но платит алименты, я не жалуюсь.

Тягостная пауза повисла в комнате. Ксюша не знала, как реагировать на такое…

– А хотите, я буду заниматься с Катей, да и Миша может присутствовать, вдруг ему на пользу музыка пойдёт. Я знаю, что хорошая музыка действует на детей благотворно.

– Ой, спасибо, конечно, – почему-то засмущалась соседка, – но… вы знаете, у нас просто нет лишних денег, чтобы платить за уроки.

– Не надо денег, – горячо сказала Ксюша, – я, конечно, нечасто смогу заниматься, но когда буду свободна, с удовольствием поучу Катю музыке. Согласна, Катюша?

Белоголовая, такая же как мать, девочка, смешно наморщив носик, весело кивнула.

– Ну вот и договорились, – обрадовалась Ксюша не меньше, чем мать свалившейся на неё двойной удаче.

– Спасибо вам, Ксения.

Они ещё поболтали на разные темы, перешли на "ты", и обе почувствовали, что утро выдалось невероятно удачным – Люба решила проблемы с котом и музыкой, а Ксюша нашла подругу, в которой так сильно нуждалась после приезда из далёкой Сибири обратно в Петербург.

Люба с дочкой ушли, а Ксения посмотрела на котёнка и забеспокоилась – а как Гриша отнесётся к его появлению? Ей захотелось сделать что-нибудь приятное для мужа, чтобы загладить свою вину. В чём она провинилась конкретно перед Гришей, ей было непонятно, но, судя по его постоянно недовольному лицу в последнее время, – во многом.

Ксения сбегала в магазин за продуктами и стала готовить праздничный ужин. Руки машинально резали мясо и овощи, а голова переключилась на вчерашнюю репетицию. Что происходит со Стасовым? Но задав вопрос, Ксюша поняла, что обманывает сама себя, не признавая очевидного – он влюбился в неё, и это её страшно тяготило. Как бы поменьше с ним сталкиваться? Вряд ли это получится, потому что по рекомендации Плетнёва её поставили и на "Евгения Онегина", и на "Снегурочку", и на "Царскую невесту". От мысли, что придётся столько репетировать с пугающим её своей страстью человеком, да ещё такие сложные роли, у Ксюши заболел желудок. Она не заметила, как начала напевать арию Татьяны из заключительной сцены: "Но я другому отдана, и буду век ему верна…"

Да, хорошо, что она замужем. Но в последнее время отчуждение, выросшее между ней и Гришей, всё больше её тревожило. Раньше их брак создавал ощущение, словно она живёт в надёжной крепости, куда не доберётся дракон. А чем хуже становились отношения, тем более слабой она себя чувствовала, будто крепость эта рушится, и она остаётся беззащитной перед безжалостным миром.

На часах было полшестого, ужин был готов. Ксюша посмотрела в зеркало, какая она растрёпанная, и стала искать свою любимую расчёску, чтобы расчесать непослушные вьющиеся густые волосы.

"Куда девалась моя щётка? – бегала она по квартире, ругая себя за рассеянность и неаккуратность, – и с собой на гастроли я её не брала… Где же она?"

Щётка нашлась в спальне, где Ксюша никогда не расчёсывалась, потому что не любила находить свои волосы в разных местах. Странно… на щётке были чьи-то чёрные длинные волосы. Может, Маргарита Львовна воспользовалась её расчёской? Хотя она такая брезгливая, даже чай пьёт только из своей, специально выделенной для неё, чашки.

Но думать было некогда, Гриша вот-вот придёт. И точно, только Ксюша успела переодеться и причесаться, как щёлкнул замок и зашёл любимый муж. Сегодня он даже не задержался.

– А это чудо откуда? – услышала Ксюша и побежала объяснять, откуда взялся котёнок.

Гриша был не очень доволен, но, почуяв приятный запах запечённого в духовке мяса, сменил гнев на милость.

– А что ты сегодня дома? – активно жуя, спросил Гриша. – Я думал, приду – опять пустой холодильник, тебя нет, можно сразу спать ложиться.

– У меня выходной, – рассеянно ответила Ксюша, испытывая непреодолимое желание рассказать про Стасова. Правда, она не знала, как на это отреагирует Гриша, ведь он и его мама предупреждали о нравах, царящих в театре. – Как у тебя дела на службе?

Гриша пожал плечами.

– Нормально, может быть, пошлют в командировку на Байконур.

– Когда? – вскинулась Ксюша.

– Ещё не знаю, может, через месяц. А что ты так испугалась?

– Не знаю… Мне нужна твоя поддержка.

– В чём?

– Во всём… в последнее время мы отдалились друг от друга, я чувствую себя одинокой. Почему так? Почему у нас так мало общих тем для разговора, отчего мы никуда не ходим?

– Мы, по-моему, и раньше так жили, – спокойно заметил он, – и тебя всё устраивало. А сейчас тебе стало одиноко?

– Но мы можем что-нибудь изменить к лучшему?

Не глядя ей в глаза, он снова пожал плечами и продолжал с аппетитом есть, словно Ксюша говорила о какой-нибудь ерунде.

– Ты не ответишь мне? – тихо спросила она.

Гриша отложил вилку и сцепил руки в замок перед собой, будто приготовился к обороне.

– А что мне отвечать? У тебя уже давно своя жизнь, а у меня…– он запнулся, – своя. Так уж получилось.

– Как-то это безнадёжно звучит, – протянула Ксения, – мы идём к разводу?

– Я не знаю, – раздражился Гриша, – мне сейчас не до этого. Чего ты от меня хочешь?

– Но тебя хоть интересует моя жизнь? – дрожащим голосом спросила Ксюша, – я тебя вообще интересую как женщина?

– Интересуешь… но можно я пойду отдохну? Я очень устал, спасибо за ужин.

Гриша засел за компьютер, как это уже часто делал в последнее время, и весь вечер, не отрываясь, играл в войнушку. А она сидела на кухне за празднично накрытым столом и понимала, что всё это никому не нужно и ничему не поможет.

Ночью ей приснился сон, будто её заперли в башне какого-то высокого неприступного замка, откуда она так и не смогла найти выход. Ксюша стояла у окна, смотрела на облака и маленькую деревеньку вдали. И вот уже она летит на шаре над этой деревней, но рядом не Олег, а спиной к ней стоит какой-то незнакомый мужчина. Наверное, пилот, подумала она, но в следующий момент мужчина повернулся – это был Стасов… Он подошёл к ней поближе, поднёс к лицу какой-то пушистый предмет и стал засовывать его в рот и в нос, словно кляп… Она закричала и проснулась.

На лице, действительно, лежало что-то мягкое и пушистое и мешало дышать. Ксюша повернула голову и увидела котёнка, забравшегося на её подушку. Хвост он положил ей на лицо, поэтому во сне Ксюше показалось, что не хватает воздуха. Рядом безмятежно спал Гриша, вволю наигравшись в компьютерную войнушку. Он напоминал большого ребёнка, с которым не получилось найти контакт. Сначала вроде было всё хорошо, а потом вдруг – раз… что-то или кто-то встал между ними.

Преодолеть отчуждение так и не получилось, и Ксюша поняла, что надеяться она должна только на свои силы.

На следующий день у неё было занятие с Юрием Павловичем. Старичок выглядел больным: на шее у него был тёплый шарф, а из рук он не выпускал носовой платок. Однако Юрий Павлович сразу успокоил Ксению:

– Не волнуйтесь, деточка, я вас не заражу, меня просто продуло. Знаете, наверное, для нас стариков одно дуновение ветра, и пиши пропало.

Но Ксюша не боялась заболеть, хотя она и сама себя не очень хорошо чувствовала. Это было не физическое, а душевное недомогание, и ей нужна была поддержка, чтобы его побороть.

Как только они стали заниматься, душевные проблемы Ксюши рассеялись как дым. Юрий Павлович тоже забросил свой платок и, начав объяснять ей приёмы, которые надо применять при пении партии Снегурочки, оживился.

– Постарайтесь представить, что вы не поёте, а играете на скрипке Страдивари. Уберите все эмоции, ведь поёт не настоящая женщина, и даже не молоденькая девушка, а сделанная из снега куколка. Она не знает любви, не понимает страсти, не чувствует человеческое тепло. Сможете так?

– Постараюсь, Юрий Павлович, – задумалась Ксения, – вы считаете, у меня получится?

– Милочка, голосок у вас молодой, и это получится у вас гораздо лучше, чем любовная страсть Татьяны, хотя я уверен, что и Ларина вам удалась. Так ведь?

– Наверное, – ответила она, раздумывая, стоит ли рассказывать, в какой необычной постановке она участвует.

– Вот ещё что, Ксюшенька, есть два типа певцов: первый живёт жизнью воображаемого персонажа и попадает под его влияние, а значит, тратит душевные силы и голос без всякой жалости. А второй – лепит его по собственному образу и подобию, вкладывает в него частичку себя, меняет его, делает его уникальным. Вы слышали, как Вишневская пела Купаву? У неё получилась такая живая, умная, красивая героиня, что артисты все как один утверждали, что от такой женщины Мизгирь не ушёл бы к бездушной Снегурочке. Понимаете, как можно спеть одну и ту же роль, в которой, казалось бы, нельзя изменить ни одной ноты?

– Я понимаю, а что вы имели в виду, когда говорили, что можно зря тратить голос? Форсировать?

– О, форсируют только неумехи, но даже опытные певцы иногда попадают в западню.

– В какую?

– Вот послушайте анекдот или быль, это как вам будет угодно. Как-то Россини услышал тенора Дюпре в "Вильгельме Телле", и в антракте со слезами обнял его.

– Почему вы плачете, маэстро? – спросил удивлённо Дюпре.

– Я плачу о тех, кто не слышал тебя сегодня, и, может быть, никогда и не услышит.

– Отчего же? – испугался тенор.

– Оттого, что твой дивный голос осуждён на преждевременный и полный упадок. Милый мой, надо петь "процентами" с капитала, а не транжирить сам капитал, не думая о будущем.

И ведь Россини оказался прав – Дюпре вскорости потерял голос, поверив обманчивому богатству своей физической природы. Не будьте такой расточительной, дорогая девочка, берегите себя и пользуйтесь не только нежным голоском, который подарила вам природа, а мастерством. А ещё лучше продумайте, какие роли вам можно петь, а какие не стоит. Если потеряете себя, восстанавливаться будет трудно. Но… Снегурочка вам очень подходит. Помните, она никого не любит, а лишь ищет свою любовь, поэтому не приписывайте ей чувств, которых у неё нет, она только мечтает о них.

Но я возьму у матери-Весны
Немножечко сердечного тепла,
Чтоб только лишь чуть теплилось сердечко.

Последние слова запали в сердце Ксюши, и, придя в пустую квартиру, она поняла, что мечтает о сердечном тепле не меньше Снегурочки.

Глава девятая

– Олег, да возьми себя в руки, – нетерпеливо произнёс Вадим, – не ты первый, не ты последний… Ну разведётесь вы с женой, что из того? Как она может запретить тебе общаться с сыном?

– Ты не понимаешь, – угрюмо ответил Олег, – меня просто бесит, что какой-то наглый тип задурил голову моей не слишком разборчивой жене и вот так, с лёгкостью, разрушил семью. Я знаю, что смогу общаться с сыном, но как представлю, что он останется один на один с ненормальной матерью, сердце сжимается.

– Может, ты преувеличиваешь, не такая уж она ненормальная, что она – сына своего не любит? – лениво поинтересовался Лёва, отхлёбывая из кружки тёмное пиво и давая знак официанту, чтобы он принёс им ещё.

Кафе было уютным: негромкая музыка в неярко освещённом помещении, обитые кожей диваны, тёмные массивные столы, а официанты и повара – только мужчины, поэтому друзьям казалось, что они сидят в клубе, куда женщин не пускают, но, как водится, только о них и говорят…

Олег поднял голову и обратил на друга голубые глаза, уже чуть замутнённые от выпитой не одной кружки пива.

– Любит, наверное, – пожал он плечами, – только любовь у неё своеобразная. Мне кажется, что она любит себя, а остальных ломает… Но больше всего… – он стукнул кулаком по столу, и официант вопросительно замер над ним, словно раздумывая – нужна ли ему ещё одна кружка пива, – …больше всего меня бесит этот тип… Вы бы видели его лицо: наглое, холёное, а главное, уверенное в своей власти над Татьяной. Убил бы…

– А как получилось, что она увлеклась им? – спросил Вадим.

– Да я сам виноват… – понуро сказал Олег, – всё время бегал где-то: то с вами на концертах, то на конкурс флейтистов ездил в Венгрию, то с театром на гастроли… И что получил? Ну есть у меня бумажка, что я занял второе место на конкурсе, денег заработал с вами, да на халтурах… А семью потерял…

– Семья семьёй, а своей профессией тоже надо заниматься. Многие так живут, но не у всех жёны попадают в секту.

– Может, тебя по самолюбию бьёт, что Татьяна этого гуру предпочла тебе? – насмешливо спросил Лёва.

Олег вскочил и в ярости схватил его за куртку, но тот вырвался и усадил друга на место.

– Да, и это тоже… – закричал Олег, – я что не могу ревновать свою жену? Думаешь, такой бездушный? Если бы я не боялся оставить сына один на один с сумасшедшей матерью, набил бы этому хлыщу морду, а секту бы его разгромил. Да, боюсь, и результата не будет, и сам за решётку попаду.

– Слушай, а давай ему обедню испортим, – с пьяненькой ухмылкой предложил Вадим.

– Как это?

– А так: будем стоять под окнами и играть похоронный марш, как только начнётся заседание, – Вадим еле говорил, потому что представил, как это будет, и начал давиться от смеха.

Лёва удивлённо вскинул брови, но ничего не сказал. Олег подумал и кивнул:

– Идея класс! Давай… Лёва поможешь? Только на чём мы будем играть?

– Ты на трубе. Сможешь? – загорелся Вадим, – ты же вроде в армии играл в оркестре, – Олег кивнул, усмехаясь, – Лёва на скрипке, а я клавиши не унесу, поэтому возьму тарелки у нашего ударника и подыграю вам в долю… Согласны?

Нельзя было сказать, что осторожный Лёва был в восторге от такой идеи, но дружба – есть дружба, поэтому он согласно кивнул. Олег оживился:

– Давайте сыграем, секту мы не разрушим, но кровь ему попортим.

– Слушай, а как хоть фамилия этого учителя жизни? Я почитаю в интернете про него, может, что-нибудь полезное узнаю – пригодится, – спросил Лёва.

– У нашего учителя жизни фамилия… – Олег сделал многозначительную паузу, – Гробовой!

– Да-а, – протянул Вадим, – ты точно уверен, что стоит бороться за бабу, которая пошла за гуру с такой фамилией?..

Они встретились на детской площадке, недалеко от того места, где любил играть в футбол Валентин. В руках Лёвы была скрипка в тёмном кожаном футляре, Олег держал трубу, нетерпеливо перебирая кнопки, словно вспоминая произведение Шопена. Они ждали Вадима, который позвонил, что немного опаздывает. Разговаривать ни о чём не хотелось. Теперь на трезвую голову задумка уже не казалась такой весёлой, и никто не мог предсказать последствий. Но отступать Олег не хотел, поэтому был благодарен Лёве, что тот его не отговаривал… Наконец, послышались быстрые шаги третьего друга, и на площадку забежал запыхавшийся Вадим.

– Надеюсь, я не опоздал, – он не выглядел подавленным, а скорее, наоборот, воодушевлённым предстоящей операцией, словно шалостью, которую так хочется осуществить детям вопреки всем запретам взрослых…

Когда они подходили к зданию злополучной секты, и куда сегодня, как на работу, ушла Татьяна, то заметили, что рядом с ним стоят два дворника и что-то обсуждают. Увидев необычную компанию музыкантов, они замолчали и стали наблюдать.

– Вот и первые зрители у нас появились, – негромко сказал Лёва, достал скрипку и огляделся, раздумывая, куда положить футляр.

– А к какому окну лучше подойти? – почему-то шёпотом спросил Вадим, держа наготове тарелки.

Олег задумался и показал:

– Давайте сюда. Видите большие окна – здесь, наверное, зал, где проходят их собрания.

Друзья встали у центрального окна, приготовились, и Олег махнул головой:

– И-и, раз…

Шопен не подозревал, что его грустно-торжественное произведение, которое обычно исполняют на похоронах, будет исполняться в таком своеобразном составе: скрипка, труба и тарелки. Но Олег постарался и сделал хорошую обработку, не забыв указать, где тарелки должны были дать свой душераздирающий звон… Ещё накануне приятели прорепетировали, и получалось неплохо. На улице, конечно, было не так громко, как в помещении, но музыканты направляли свои инструменты прямо в окна и в скором времени увидели, как за стеклом замелькали удивлённые лица женщин в тёмных платочках.

Через несколько минут вокруг артистов выросла небольшая толпа жителей ближайших домов, но из здания, которое их интересовало больше всего, никто не выходил. Друзья продолжали играть, снова и снова начиная грустную мелодию. Дворники, стоявшие чуть поодаль, принялись куда-то звонить, и Олег заподозрил, что в полицию.

Наконец, он увидел выбегающую Татьяну, выглядевшую как разъярённая фурия.

– Олег! – крикнула она, пытаясь перекричать музыкальные инструменты, но Вадим не давал ей подойти к мужу, ударяя тарелками прямо у неё перед носом.

– Олег! Прекрати, я сказала! – продолжала вопить она.

Но тот старательно делал вид, что не слышит её. Постояв ещё немного, она ушла обратно в дом. Приятели играли ещё какое-то время, и наконец вышел гуру – Гробовой собственной персоной.

Он встал неподалёку, скрестив руки, и с усмешкой смотрел на Олега. На этот раз Гробовой был в белом льняном костюме с чёрной рубашкой и контрастным светлым галстуком. Но Олег выглядел не хуже – он был одет в чёрный фрак, как и его друзья, а потому и похожи они были на солидную похоронную команду.

– О, господин Гробовой! – бросил играть Олег, а за ним остановились и приятели, – а мы вам решили помочь.

– И в чём же вы мне помогаете?

– Иллюстрируем, так сказать, вашу деятельность, – нагло и громко вещал Олег. Он повернулся к жильцам, собравшимся вокруг них, – товарищи, этот господин, по фамилии Гробовой, затащил не одну наивную женщину в свою секту, и вы знаете, для чего это делается – для подавления их воли и обирания до нитки. Не поддавайтесь на сладкие уговоры этого проходимца, берегите своих близких!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.